18+

КЛЯТВА ПОД ПЕПЛОМ

Александр Калугин

Александр Калугин

Клятва под пеплом

«Издательские решения»

Калугин А.

Клятва под пеплом / А. Калугин — «Издательские решения»,

Ратимир возвращается на родную землю, где древние верования скрывают опасную тайну. Забытые символы, отцовский меч и загадочные сны ведут его к истине, которую веками оберегали от людей. Почему предки завещали помнить богов, но запретили помнить тех, кто носил их имена?

© Калугин А.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
Пролог 9
Глава 1. Дом без дыма 15
Глава 2. Лесной зов 40
Глава 3. Цена приюта 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Клятва под пеплом

Александр Калугин

© Александр Калугин, 2026

ISBN 978-5-0071-6789-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

На северном берегу большого озера стояло селение, имени которого не сохранилось.

В ту пору здесь ещё не было пристани. Лодки вытаскивали на песок, сети сушили на жердях, а дорогу к ближайшему жилью отмечали зарубками на деревьях. Весной вода подступала к нижним дворам и несла между стволами обломки льда. Осенью люди поднимались на лесистый мыс и долго смотрели на озеро, высматривая лодки тех, кто ушёл ещё до холодов.

Однажды лодки не вернулись.

Зиму пережили немногие. Когда дни стали длиннее, оставшиеся погрузили на сани детей, семенное зерно и вещи умерших. Последним из селения ушёл старик. У крайнего дома он задержался, что-то вырезал на дверном столбе, затем догнал остальных. За их спинами ветер приподнимал край пустой сети, примёрзшей к жердям.

Позднее на этом берегу жили другие люди. Они находили в земле черепки, обломки костяных игл, почерневшие камни очагов. Иногда вода вымывала из песка человеческие кости. Их собирали и хоронили выше по берегу, куда не доходил весенний разлив.

О прежних жителях рассказывали разное. Одни говорили, что их увели враги. Другие — что они сами ушли за озеро, откликнувшись на запретный зов. В соседних землях знали похожую историю, только там люди уходили с морского берега, а старик оставлял свой знак на камне.

Никто уже не мог сказать, где кончалось воспоминание и начиналась песня.

Проходили поколения.

Тропы между стоянками становились дорогами. На речных изгибах появлялись торги. Там, где прежде обменивали рыбу на зерно, теперь взвешивали серебро и спорили о цене мехов. Суда приходили издалека, привозя стеклянные бусы, чужое оружие, тонкие ткани и вести о правителях, чьих имён здесь прежде не слышали.

Реки связывали лесные земли с морем. По ним поднимались торговцы, дружины, беглецы и люди, которые по возвращении предпочитали молчать о своих занятиях. На трудных участках лодки разгружали и тащили по суше. У волоков[1] нанимали проводников, чинили днища, хоронили тех, кто умер в пути. Здесь селились семьями, и дети с малых лет различали говор пришлых людей.

Для одних Север начинался за последним возделанным полем. Для других — там, где лес редел и обнажались каменные склоны. Мореходы называли севером берега, к которым не успевали добраться за одно лето. Жители тех берегов знали, что дальше тоже есть земля.

У каждого селения был свой край обитаемого мира. За ним начиналось пространство, о котором судили по чужим рассказам.

В Приладожье пахло речной водой, мокрой корой и дымом. У мостков темнели вымоченные верши[2], под навесами подсыхала береста. Люди жили возле озёр и рек, пахали доступную землю, ловили рыбу, уходили на промысел. Здесь берегли родственные связи и помнили долги, о которых чужаку могли ничего не сказать. У очага вспоминали умерших. Перед дорогой прислушивались к словам старших. Клятва, произнесённая при свидетелях, могла связать человека крепче железа.

Именем Перуна[3] скрепляли обещания. Волоса[4] поминали, заботясь о достатке и сохранности хозяйства. Но в соседнем селении привычный обряд могли совершать иначе, а за лесной грядой — вовсе не знать тех слов, которые здесь всякий ребёнок слышал с рождения.

---

[1] Волок — сухопутный участок между водными путями, через который переносили или перетаскивали суда и грузы.

[2] Верша — плетёная ловушка для рыбы с суженным входом внутрь.

[3] Перун — славянский бог грома, связанный также с воинскими клятвами.

У лесных и озёрных общин были свои священные места. Проводник мог без страха идти с чужаком через топь, а затем отказаться высадиться на сухом, удобном берегу. Иногда объяснял причину. Иногда лишь отворачивал лодку. Чужаку оставалось смотреть на спокойную воду и гадать, что увидел в ней человек, державший весло.

За морем менялись речь, обычаи и имена богов.

Там ветер нёс соль, на камнях оставались полосы выброшенных водорослей, а крики птиц сопровождали лодки далеко от берега. В больших домах северян пировали под закопчёнными балками, слушали рассказы о походах и пристально следили за тем, кому хозяин предложит почётное место. Мокрые шерстяные плащи развешивали у огня; пришедшие с моря ещё долго чувствовали под ногами качку.

Молот на груди мог быть знаком надежды на защиту. Имя Одина[5] звучало в хвалебных песнях, в речах предводителей и в словах людей, готовившихся умереть. Перед плаванием обращались к Ньёрду[6], а вернувшись, спорили, кому обязаны спасением.

Один человек верил твёрдо. Другой соблюдал обычаи ради семьи. Третий смеялся над чужим страхом, пока беда не касалась его собственного дома. Старый воин мог благодарить богов за долгую жизнь, а его сосед — сердиться на них за то, что пережил сыновей. Оба приходили на одно священное место и стояли рядом, каждый со своей просьбой.

На южных и западных дорогах всё чаще встречались люди с крестами. Они говорили о едином Боге, крещении и прощении. Возле торговых поселений проповедники искали покровителей, возводили небольшие деревянные церкви, принимали новообращённых. Кто-то слушал их с надеждой, кто-то — из любопытства. Иные видели за новой верой власть чужих правителей и заранее готовились сопротивляться.

В портах всё это сходилось у одних весов.

Торговец мог принять серебро из рук человека, чьи погребальные обычаи считал опасными. Мореход нанимал гребца, не спрашивая, каким богам тот молится. Но вечером, когда разговор касался смерти, границы между ними проступали снова. Тогда даже хорошо знакомое слово порой приходилось объяснять заново.

А срок отплытия для всех назначал ветер.

Осенний ветер закрывал путь, которым летом проходили без труда. Дождь неделями держал людей под одной крышей; дым стлался низко, одежда не просыхала, и к утру от сырости ломило старые раны. Зима превращала воду в дорогу, а оттепель могла погубить целый обоз. Тот, кто вчера владел судном и десятками вооружённых людей, сегодня просил огня у бедного рыбака.

Поэтому слушали опытных. Запоминали приметы. Детей учили пережидать стужу, находить дорогу, распознавать непрочный лёд. Вместе с полезным знанием переходили запреты, происхождение которых уже никто не помнил.

Об именах старики говорили с особой осторожностью.

Некоторые имена разрешалось произносить только в песнях. Ими призывали защиту, скрепляли обещания, пугали нарушителей клятвы. Но стоило спросить, кто прежде откликался на такое имя, где стоял его дом и кто остался после него, — старшие велели замолчать.

И всё же память оставалась. В узоре на застёжке. В имени, которое отец неожиданно запрещал дать ребёнку. В одинаковой песне, услышанной на двух далёких берегах. В зарубке на дереве, которую человек узнавал, хотя не мог вспомнить, где видел прежде.

---

[4] Волос — божество, названное в древнерусских летописных текстах «скотьим богом». Его имя упоминается в описаниях клятв наряду с именем Перуна.

[5] Один — скандинавский бог, связанный с мудростью, поэзией, войной и погибшими воинами.

[6] Ньёрд — скандинавский бог, связанный с морем и мореплаванием.

К середине десятого столетия речные и морские пути связывали множество земель. На торгах знали цену серебру, силу дружин и выгоду договоров. Дома ставили поверх старых пепелищ; под полом оставались вещи, назначение которых новые хозяева уже не могли объяснить.

В одном небольшом поселении Приладожья стоял дом, в который возвращался человек, ушедший за море много лет назад.

Он должен был прийти позднее.

Когда его лодка коснулась берега, осенний дождь ещё не успел смыть следы с тропы.

Пролог

Ладожское озеро. Конец сентября, лето 6459 от сотворения мира.[7]

Дверь поддавалась плохо.

Ратимир толкнул её плечом, услышал хруст дерева и оказался внутри. Под ногой опрокинулся горшок. Из очага вылетели угли; один покатился к соломе, рассыпанной возле стены. В доме было душно, пахло кислым молоком. Кто-то сидел в глубине, у лежанки, но Ратимир не успел разглядеть лица.

Перед ним стоял пожилой, почти седой человек в одной рубахе. Топор он держал близко к железу. Он поднял руку, и Ратимир ударил раньше, чем понял, собирался ли тот защищаться.

Топор стукнул о порог.

Снаружи звали своих. Нужно было выходить. У стены уже занималась солома, дым потянулся к низкой балке. Ратимир шагнул назад, но человек схватил его за запястье. Мокрые пальцы скользили по коже. Он открывал рот, втягивал воздух; из горла выходил только хрип.

Он вывернул руку. Придавил чужие пальцы к косяку и оторвал от себя.

Потом стоял во дворе, тяжело дышал и смотрел на небольшое ведро у колодца. Вода в нём была чистая, по краю плавал берёзовый лист. Можно было взять ведро, вернуться в дом, залить солому у стены.

За спиной смеялись.

Из дома донёсся женский крик. Женщина выкрикивала одно и то же слово, пока не сорвала голос. С каждым разом Ратимир раньше узнавал первые звуки. Последний слог тонул в треске горящей балки над дверью. В темноте под нею оставался открытый рот. «…дан…» Он слышал это ещё мальчиком. Тогда в доме не горело.

Берёзовый лист прилип к стенке ведра. Ратимир протянул руку к дужке. Крик оборвался, и в наступившей тишине кто-то начал произносить слово совсем близко — у его уха.

Ратимир проснулся, ударившись локтем о край сундука.

Над лицом провисала мокрая ткань. Судно накренилось, и по натянутому полотнищу пробежала вода. Капли посыпались ему за ворот. Он вскинул руку, задел плащ, лежавший на соседнем спящем, и несколько мгновений не мог понять, почему пол под ним уходит в сторону.

Потом услышал скрип снастей.

Лежанки не было. Он сидел между грузовыми тюками, под парусиной, которую натянули над частью судна. За бортом плескалась вода. Рядом кто-то сопел, уткнувшись лицом в свёрнутую одежду. Пахло шерстью, смолой и мокрой кожей.

Ратимир разжал левую ладонь. Под большим пальцем белел старый рубец. Он провёл по нему другой рукой, упёрся спиной в сундук и дождался, пока сердце перестанет биться так сильно.

На этот раз он никого не разбудил.

В первую ночь после отплытия молодой гребец тронул его за плечо. Ратимир вывернулся, ещё не открыв глаз, и свалил парня на груз. Нож остался в ножнах — это было единственное, за что потом не приходилось стыдиться. Парень отделался разбитой губой. Ратимир извинился, дал ему чистую тряпицу и с тех пор ложился поодаль.

Он выбрался из-под парусины, стараясь не задеть спящих. Колени затекли. Прежде чем ступить вперёд, он ухватился за борт.

---

[7] В повествовании используется византийский сентябрьский счёт: лето 6459 длится с 1 сентября 950 года по 31 августа 951 года н. э. Здесь — конец сентября 950 года. Датировка служит ориентиром читателю и не означает, что все герои пользуются этим календарём.

Ночь ещё держалась над озером. Берегов не было видно, но Ратимир знал, что они близко: к вечеру вода изменила цвет, а ветер донёс запах соснового леса. Море осталось позади. Они прошли рекой в Ладожское озеро и теперь двигались вдоль берега, задерживаясь из-за встречного ветра.

Он зачерпнул ладонью воды, умылся. Холод свёл зубы.

— Опять не спишь?

Эйрик стоял у кормового весла. В темноте угадывались светлая борода и меховой ворот, поднятый до ушей.

— Проснулся.

— Вижу.

Хозяин судна помолчал и кивнул на черпак у ног.

— Тогда помоги. В носу набралось.

Ратимир взял черпак. Вода перекатывалась под съёмными досками; он опустился на колено и принялся выливать её за борт. Движения постепенно стали ровными. Зачерпнуть, поднять, выплеснуть. На деревянной рукояти нашлось удобное место для большого пальца.

Эйрик не расспрашивал. За это Ратимир был ему благодарен.

Познакомились они на торгу, когда Ратимир искал место на судне, идущем к восточным берегам. Эйрик сперва назвал слишком высокую плату. Ратимир согласился, и тот сразу насторожился: человек с хорошим мечом, без товарищей, торопящийся уйти, мог привести за собой неприятности. Пришлось объяснить, откуда он и куда возвращается. Названия знакомых стоянок подействовали лучше обещаний. Они сошлись на меньшей сумме.

Ратимир не сказал, что несколькими днями раньше отдал почти всё остальное серебро, лишь бы его отпустили.

Он вычерпал воду, поставил черпак на место и растёр плечо. Под мокрой рубахой тянуло старый шрам.

— Сядь здесь, — сказал Эйрик. — Там сквозит.

Ратимир устроился возле кормового груза. Сразу заметил, что хозяин стал беречь правую руку: держал весло иначе, чаще менял хват.

— Давно стоишь?

— Достаточно.

— Давай сменю тебя.

Эйрик посмотрел на него, потом уступил место.

От весла холодило ладони. Ратимир чувствовал через дерево тяжесть воды и мелкую дрожь, которую передавал борт. Ветер оставался слабым, парус тянул неровно. До рассвета можно было идти так.

За кормой расходился бледный след.

Домой.

Всё последнее время он произносил это слово про себя, когда становилось совсем тяжело. Сначала оно означало только место, куда можно уйти. Потом начало обрастать подробностями. Крутой участок тропы. Кривое дерево возле ручья. Двор, где после дождя дольше всего не высыхала земля. Игорь, который когда-то выбегал навстречу босиком, даже если мать велела не выходить из дома.

Брату было одиннадцать, когда Ратимир видел его в последний раз. Теперь девятнадцать. Он пытался представить его взрослым и всякий раз замечал, что мысленно лишь делает мальчишку выше и добавляет ему бороду.

Восемь зим.

Ратимир опустил голову, поправляя хват.

Он уходил ненадолго. Так говорил отцу. Сначала обещал вернуться после одного плавания, затем передал с торговцем, что останется ещё. Плата оказалась хорошей; знакомый пред-

водитель набирал людей на новое судно. Вернувшиеся рассказывали о землях, где за меч и верность давали больше, чем он мог заработать дома за несколько лет.

Тогда всё выглядело просто. Сопроводить груз. Отбить нападение. Вернуть серебро, которое один хозяин задолжал другому. Помочь наказать людей, ограбивших союзников.

Имена должников менялись. Берега тоже. Ратимир не всегда знал, кто первым отнял товар и был ли он вообще отнят. Он знал, с кем стоять в строю, чей голос слушать в схватке и где соберут людей после высадки.

Первую долю он потратил почти целиком. Купил застёжку для матери, хороший нож отцу, брату выбрал пояс с медными накладками. Всё передал с торговцем, шедшим к Ладоге. Следующую долю отложил. Потом перестал считать серебро сразу после возвращения.

Хуже всего приходилось на пирах.

Поначалу он сидел со всеми. Ел, пил, смеялся над тем, что ещё утром казалось страшным. Среди своих можно было рассказать, как едва не погиб, и услышать в ответ смех. Страх отступал. Человек, которого он вытащил из воды, через несколько дней мог заслонить его щитом. Он помнил такие вещи и сейчас.

Позднее стало трудно слушать рассказы о людях, убитых у себя во дворах. Товарищи вспоминали нелепо поднятый топор, бегство по грязи, чужое непонятное слово. Ратимир узнавал подробности, которых прежде не замечал. За столом они становились смешными.

Он стал уходить раньше.

Хакон решил, что дело в питье. Потом — в женщине. Под конец спросил прямо, не стал ли Ратимир бояться.

Они стояли у вытащенного на берег судна. Люди меняли повреждённую доску. Через несколько дней предстояло выйти в море. Хакон рассчитывал на Ратимира и ждал ответа.

Ратимир сказал, что уходит домой.

Хакон сперва рассмеялся. Назвал его стариком, спросил, не нужны ли ему два мальчишки, чтобы донести оружие. Потом понял, что тот не шутит.

— Мы договаривались до следующей весны.

— Помню.

— И что мне сказать людям?

Ратимир долго смотрел на светлый прямоугольник новой доски.

— Скажи, что ушёл.

За это пришлось заплатить. Свою долю из ещё не проданного товара он оставил. Добавил серебро на человека, которого найдут вместо него. Хакон принял всё, пересчитал и лишь потом сказал, что слабость, однажды замеченная богами, всегда возвращается к человеку.

Ратимир знал эту речь. Слышал её перед высадками, над погребальным костром, после удачного грабежа. Хакон говорил об Одине так, будто тот сам держал его за руку. Он щедро отдавал положенное богам и никогда не забывал павших товарищей. Их семьям отправлял серебро. Чужие семьи в его расчёт не входили.

Уходя, Ратимир услышал за спиной:

— Скажи дома, что тебя победила вода. Пусть хоть море виновато будет.

Ответить хотелось. Ещё сильнее хотелось вернуться и ударить его.

Ратимир дошёл до торга, нашёл Эйрика и спросил, когда тот отплывает.

Теперь, стоя у кормового весла, он снова вспоминал этот берег. От невысказанного ответа по-прежнему становилось жарко. Хакон мог рассказать всё по-своему. Уже рассказывал, наверное. Кто-то поверит. Кто-то вспомнит, сколько раз Ратимир стоял рядом, и промолчит.

Он повернул весло, выравнивая ход судна.

Ему было страшно возвращаться. Этот страх появился позже, когда никто уже не мог заставить его остаться. Он не знал, каким увидит Игоря, как объяснит брату, почему не возвращался столько лет и как войдёт в дом, где больше не встретит отца.

О смерти ему сообщили летом. Торговец, шедший с востока, узнал его по имени и спросил, получил ли он весть. Отец умер минувшей зимой. Долго болел; Игорь оставался с ним до конца.

Ратимир расспросил о похоронах, передал серебро и ещё несколько дней делал всё, что было нужно на судне. Спал тогда почти спокойно. Позже именно это спокойствие стало стыдно вспоминать.

Эйрик протянул ему кожаную флягу.

— Вода. Пей, пока руки слушаются.

Ратимир сделал несколько глотков.

— К утру подойдём? — спросил он.

— Если ветер не отвернёт. Ты говорил, узнаешь мыс.

— Узнаю.

— Дальше мелко?

— В устье держись ближе к правому берегу. У косы камни. На малой лодке пройдём.

— Проведёшь?

Ратимир кивнул.

Хозяин забрал флягу и спрятал под плащ. Когда он поднял руку, у ворота показался небольшой молот на потемневшем шнурке.

— Мальчишка у тебя верит в другого бога, — сказал Ратимир, вспомнив гребца с разбитой губой. Перед едой тот однажды незаметно перекрестил хлеб.

— Он у меня гребёт, — ответил Эйрик. — Пока хорошо.

— А в море?

— В море я прошу попутного ветра. Он просит тоже. Язык у нас один, хоть просьбы разные.

Эйрик поправил плащ и присел, вытянув больную руку.

— Пусть сперва доживёт до первого собственного судна. Потом расспрошу, кому он обязан.

Ратимир едва заметно усмехнулся.

Сам он перестал просить о победе давно. Иногда, перед опасностью, губы ещё складывали знакомые слова. Дома ими клялись перед Перуном, и в детстве он верил, что нарушившего обещание обязательно настигнет кара. За морем слышал другие имена. Когда справляли чужой обряд, стоял рядом с людьми, которым доверял жизнь. Когда лодку било о камни, никто не запрещал ему звать своего бога.

Он остался жив. Некоторые из тех, кто лежал перед ним на земле, тоже, должно быть, успели помолиться.

Ратимир потёр рубец на ладони о дерево весла. Того человека у двери он зарубил сам. Ни один бог не держал его за запястье. И воду в ведре он видел достаточно хорошо.

Сколько раз после этого он садился есть, принимал долю, позволял называть себя надёжным человеком. Во сне ему возвращалось короткое мгновение у порога. Наяву тяжелее было помнить всё, что он делал потом как обычно.

Эйрик задремал сидя. Голова у него опустилась на грудь, пальцы всё ещё придерживали край плаща.

Ратимир укрыл ему колени концом парусины и остался у весла.

Ветер принёс запах сырого леса. На мгновение стало легче дышать.

Он помнил, как пахнет одежда после ночи под елью. Как трещит тонкая корка льда у болотного края. Как по утоптанному мху найти место, где зверь ложился перед рассветом. Отец водил его в лес с детства. Давал идти первым, а потом останавливал и спрашивал, что тот успел заметить.

Ратимир обычно называл след.

Отец спрашивал, что ещё.

Приходилось смотреть заново. На сломанную ветку, на воду в отпечатке, на примятую траву рядом. Постепенно лес перестал казаться одинаковым. Даже в темноте можно было понять, где земля поднимается, а где начинается сырая низина. Найти место для ночлега. Переждать то, от чего другой бросился бы бежать и выбился из сил.

В походах это спасало его чаще, чем меч. Однажды он три дня выводил двоих раненых к берегу; другой раз пролежал до вечера под корнями поваленной ели, слушая, как его ищут. Дождался, пока голоса отдалятся, и ушёл. За стойкость его хвалили те же люди, которым теперь будет удобно считать его трусом.

Дома он хотел снова заняться обычной работой. Починить кровлю, если прохудилась. Посмотреть, в каком состоянии лодка. Научить Игоря тому, чему успел научиться сам, хотя брат наверняка уже умел многое без него. Принять это будет непросто.

При мысли об отце всплыло ещё одно воспоминание, прежде редко приходившее в голову.

Он был мал, когда однажды вернулся с реки раньше положенного. В доме сидел незнакомец, привязавший лодку ниже обычного места. Отец держал на коленях деревянную пластину и водил по ней остриём ножа. Ратимир успел увидеть несколько сходящихся черт. Потом отец накрыл их ладонью.

— Ступай к матери.

Сказано было негромко. От этого Ратимир и послушался: отец смотрел на него так, как смотрел в лесу, когда нужно было немедленно остановиться.

Позже мальчик спросил о метке. Отец ответил, что она чужая. Повторять её не велел.

Сам знак теперь вспоминался плохо. Ратимир помнил широкие пальцы на светлом дереве, нож и неловкую тишину после своего появления. На секунду захотелось спросить Игоря, не было ли у отца похожей пластины среди вещей. Потом он отвёл мысль. В памяти за ночь поднялось слишком многое.

Он посмотрел на груз под парусиной. Между тюками лежал его дорожный мешок. В нём оставались сменная рубаха, точильный камень, несколько мелких вещей и завёрнутый в шерсть нож для брата. Рукоять он выбрал простую, удобную для работы. Украшения стоили бы дороже самого железа.

Сначала он собирался сказать, что приехал ненадолго. Так было проще: не пришлось бы объяснять, почему всё бросил. Теперь понимал, что Игорь спросит, когда он уходит снова, и услышит ответ сразу.

Ратимир останется. Если найдётся место в доме и работа, за которую можно взяться, он останется.

Впереди медленно проступал берег. Темнота ещё скрывала воду у самой земли, но над ней уже отделялись от неба верхушки сосен. Ратимир узнал длинный пологий склон, на котором лес редел перед мысом. В детстве он смотрел оттуда на лодки и гадал, далеко ли они уходят.

Он осторожно тронул Эйрика за плечо.

— Просыпайся. Скоро поворачивать.

Хозяин поднял голову, потёр лицо и встал рядом. Несколько мгновений оба смотрели вперёд. Потом Эйрик пошёл будить людей.

Из-под парусины выбрался молодой гребец. На губе у него ещё темнела корочка. Он поёжился, увидел Ратимира и молча подал ему плащ, оставленный возле сундука.

— Спасибо, — сказал Ратимир.

Парень кивнул и принялся освобождать проход между грузами.

Озеро светлело. На берегу уже можно было различить одинокую сосну, нависшую над водой. Дальше начиналась бухта, а за ней лежало устье знакомой реки.

Ратимир подтянул плащ на плечи. Он ещё не придумал, что скажет брату при встрече. Очень хотелось, чтобы Игорь заговорил первым.

Глава 1. Дом без дыма

У сосны над водой берег оказался ниже, чем помнил Ратимир.

Весной здесь, должно быть, подмыло землю: из обрыва торчали корни, а под ними лежала полоса осыпавшегося песка. Верхушка дерева всё так же склонялась к озеру. Ратимир провёл судно мимо светлого камня, дождался, пока из-за мыса откроется устье, и передал кормовое весло Эйрику.

Впереди вода разглаживалась. Над речной протокой лежал туман, редкий у самого берега и густой дальше, между ольхами. Из него выступали тёмные колья старой запруды. Один накренился и почти касался поверхности; вода огибала его, собирая жёлтые листья.

— Левее кольев, — сказал Ратимир. — Тут мель.

Эйрик кивнул и велел убирать парус. За спиной зашуршала тяжёлая ткань, кто-то выругался, зацепив мокрый край за груз. Судно ещё шло прежним курсом. Ратимир взял дорожный мешок и проверил ремень меча, чтобы ножны не мешали спускаться.

— До полудня постоим здесь, — сказал Эйрик. — Людям надо поесть. Потом дальше, пока ветер держит.

— До домов недалеко.

— Тогда пришли кого-нибудь. Спросим, нет ли рыбы на обмен.

Ратимир хотел сказать, что рыба найдётся. В детстве на этой пристани сушили столько, что запах въедался в волосы и одежду. Но восемь зим были слишком долгим сроком, чтобы обещать за чужое хозяйство.

Он только кивнул.

Малую лодку подтянули к борту. Первым в неё спустился молодой гребец, потом принял мешок. Корочка на его губе за ночь потемнела. Ратимир осторожно поставил ногу на узкое дно, дождался, пока лодка перестанет качаться, и сел напротив.

— Лейф, отведёшь его и возвращайся, — сказал Эйрик. — Не теряй весло, как в прошлый раз.

— Я его достал.

— Уже после того, как мы повернули обратно.

С кормы засмеялись. Лейф насупился и оттолкнул лодку. Эйрик на мгновение придержал висевший у ворота молот Тора[8], освобождая шнурок от застёжки, затем снова взялся за весло.

Судно осталось за кормой. Ратимир слышал, как люди перекликаются над водой, как стучит о борт ковш. С каждым взмахом вёсел голоса делались тише.

В протоке запахло сырым листом и тиной. На дальней отмели стояла цапля. Когда лодка приблизилась, птица вытянула шею и тяжело поднялась, едва не задев воду ногами. Ратимир проводил её взглядом. За поворотом уже должен был показаться настил, на который они с братом когда-то вытаскивали отцовскую лодку.

Он поправил мешок у ног.

Сначала надо будет оставить вещи. Потом спросить Игоря, где похоронили отца, и сходить туда одному. Разговор о службе можно отложить до вечера. К вечеру найдётся работа, а за работой легче говорить.

Из-за ольх вышел низкий берег с деревянным настилом. Крайние доски почернели, ближняя к воде треснула вдоль волокон. На двух столбах держалась поперечина, под которой прежде подвешивали сеть для починки.

Лодок возле неё не было.

---

[8] Тор — скандинавский бог грома. Молот — его атрибут; небольшие изображения молота носили как обереги.

Ратимир посмотрел выше по течению. У дальнего берега тоже было пусто. Навес за настилом покосился, и под ним лежало перевёрнутое старое днище, разошедшееся по шву.

— Здесь? — спросил Лейф.

— Здесь.

Они причалили к нижнему концу настила. Ратимир взял верёвку, вышел на доски и привычно перенёс вес на левую ногу: справа подгнил край. Нога нашла крепкое место раньше, чем он успел его рассмотреть.

Над водой не пахло дымом.

Обычно при таком ветре дым тянуло от домов прямо в протоку. Ратимир поднял голову. За ольхами виднелся край кровли, тусклый и мокрый. Люди могли ещё спать, хотя обычно печи затапливали до восхода.

Он подал руку Лейфу.

— Помоги донести мешок. Вернёшься быстрее, чем я найду кого-нибудь для Эйрика.

Парень выбрался на настил, оставил в лодке вёсла и подтянул её повыше. Ратимир отметил, что верёвку он завязал хорошо, и пошёл к тропе.

Земля возле пристани была изрыта колеями. В одной стояла бурая вода. Отец прежде не любил, когда телеги подводили так близко: размягчённый берег сползал под колёсами. Теперь через сырую низину набросали веток, а поверх положили несколько коротких брёвен.

На одном осталась глубоко вдавленная верёвка.

Ратимир задержался, но только на мгновение. Осенью здесь всегда возили грузы. Сюда привозили соль и железо, увозили меха и воск. Чужой товар мог пройти через десяток рук, прежде чем его перетаскивали на волок и отправляли к другой воде. Пока он был за морем, лодки могли начать грузить в другом месте.

Тропа поднялась над рекой. Между корнями тянулись мокрые полосы, и сапоги заскользили. Ратимир ухватился за ствол. Кора под ладонью была холодной.

Раньше он поднимался здесь бегом.

На гребне открылись дома.

Ольховый Мыс вырос. За двором Ждана стояли два новых сруба; один ещё сохранял светлую полосу под свесом кровли. Старую житницу[9] перенесли от тропы ближе к склону. Крыши теснились за плетнями, между ними оставались узкие проходы. Дальше начиналась пожня[10], скошенная и побуревшая, а за ней поднимался лес. У опушки берёзы уже сбросили часть листвы. Ели за ними казались почти чёрными.

Ратимир остановился, разыскивая свой двор.

Он был на месте. Длинная кровля, сарай сбоку, забор, который отец всё обещал переставить, потому что весенней водой подмывало нижние жерди. Возле ворот теперь стоял новый столб.

Никто не вышел на тропу.

Ратимир ждал лая. У Ждана собака бросалась даже на знакомых, если те подходили с воды. Старая, скорее всего, уже умерла, но двор редко оставался без щенка: у лодок всегда было что сторожить.

Он прислушался. В ольшанике шумели птицы. По кровле ближайшего дома скатилась капля и ударила в деревянный жёлоб. С реки донёсся короткий всплеск.

— Они на работах? — спросил Лейф.

— Сейчас узнаем.

---

[9] Житница — хозяйственная постройка для хранения зерна.

[10] Пожня — луг или участок земли, используемый для сенокоса.

Ратимир свернул к Ждану. Под ногами хлюпала земля. На грядке у плетня лежала побитая холодом ботва репы. Корни выкопали; один оставленный торчал из земли, и птицы успели расклевать его светлый бок.

Дверь хлева стояла открытой. Внутри белела пустая кормушка. Ратимир заглянул под навес, где Ждан обычно чинил лодки: на двух чурбанах лежала тёсаная доска, рядом — сломанный деревянный клин. Инструментов не было.

— Ждан!

Голос прозвучал громче, чем он хотел.

Ратимир толкнул дверь дома. Она подалась, скребнув по порогу. Внутри было сумрачно. Возле каменной печи лежала охапка отсыревших стеблей, у стены стоял стол, с которого убрали всё, кроме щербатой миски. На спальном помосте остались голые доски.

Он не вошёл сразу. Восемь лет назад Ждан рассердился бы, если бы гость переступил порог без приглашения. Пришлось бы потом сидеть, есть и слушать, как надо обращаться к людям, которые знали тебя ещё малым.

— Ждан, это я. Ратимир.

Из дома потянуло затхлой золой.

Ратимир шагнул внутрь и провёл рукой над устьем печи, затем коснулся камня. Холодный. На столе лежал берёзовый лист. Он попал сюда через дверь, намок, высох и прилип краем к миске.

Лейф остановился за спиной.

— Не топили давно.

Ратимир кивнул. У него возникло желание спросить, откуда парень знает. Вместо этого он повернулся и вышел.

Через проход был двор Веславы. Она держала корову с белым пятном над глазом и всякий раз торговалась за соль так, словно купец собирался отнять у неё последнее. Когда корова захворала, Веслава послала за женщиной с верхней реки, говорившей на чужом языке. Слов её молитвы никто здесь не понял. Веслава потом уверяла, что помог Волос: чужая женщина могла знать верные слова и для него.

Отец на это только пожал плечами. Больную скотину он сперва осматривал сам.

Ратимир отодвинул жердь. У кормушки виднелась полоса выскобленной земли. Верёвку с кола сняли. В углу лежала истоптанная солома, но самого стойла никто не разломал. В доме Веславы тоже было пусто. Она забрала свой сундук; на полу остался светлый прямоугольник, к которому не приставала сажа.

У Ратимира свело живот.

Он вышел и пошёл к своему двору быстрее. Проход сузился между плетнём и стеной. Край плаща зацепился за торчащий сук; Ратимир резко дёрнул ткань, услышал треск и остановился, удерживая в руке оторванную нить.

Лейф молча освободил застёжку мешка от ветки.

— Дай сюда, — сказал Ратимир и забрал у него вещи.

За новым столбом виднелось низкое крыльцо. Одна ступень была заменена. Она прогнулась под ногой, но держала крепко. На двери появился другой засов: шире отцовского, с выемкой под большой палец.

Игорь сделал.

Ратимир подумал это с такой уверенностью, что почти успокоился.

Брат любил выбирать дерево с красивым рисунком. В детстве выстругивал никому не нужные дощечки, ругался, если они лопались, и начинал снова. Новый засов был из берёзы; под потемневшей поверхностью угадывались волнистые полосы. У того, кто его тесал, нож пару раз сорвался возле выемки.

— Игорь!

Он снял засов.

В доме пахло холодной печью и старой шерстью. Ратимир сперва не узнал запах. Здесь всегда было тесно от тепла: сушилась одежда, мокрые сапоги стояли у входа, на камнях возле огня грелась вода. Теперь воздух вошёл в грудь свободно, до самой боли под рёбрами.

Он постоял в дверях, позволяя глазам привыкнуть к сумраку.

Стол передвинули. Под левую ножку была подложена щепка. На стене возле спального места висел пустой ремень, который отец использовал для сушки мелких вещей. Исчезли тёплые покрывала. Сосновая лавка у печи осталась, только на краю её кто-то вырезал маленькую неровную чашу: должно быть, долго скоблил дерево в одном месте, сидя с ножом.

Ратимир положил мешок возле стены.

— Игорь, — повторил он, уже негромко.

Лейф стоял на крыльце и не решался войти.

Ратимир прошёл к печи в заднем углу. Стены над ней были закопчены почти до кровли. Устье закрывал кусок доски. Он отодвинул его: в золе виднелись обугленные концы поленьев, но жара не осталось даже в глубине. На камне перед печью рассыпался пепел; по нему прошла птица, оставив маленькие трёхпалые следы.

Он вернул доску на место.

У спального помоста нашлась деревянная чашка с отколотым краем. Из такой пил отец. Ратимир поднял её, потёр пальцем щербину и поставил обратно. На соседней полке стояли две другие, целые.

Ратимир присел возле помоста. Там застрял клубок серой шерсти, истончённый молью. Под ним блеснул гладкий край. Он вытащил небольшое глиняное пряслице[11], потёртое с одной стороны, с отверстием посредине. Мать когда-то жаловалась, что оно ложится на веретено криво. Он предлагал сделать новое, а она велела сначала научиться точить ровную палку.

После её смерти Игорь, должно быть, убрал пряслице на полку, откуда оно потом скатилось.

Ратимир положил находку возле чашки.

Ему вдруг стало ясно, что в этом доме брат прожил годы, о которых он почти ничего не знал. Здесь умерли родители. Здесь кто-то переносил стол, чинил ступень, вставал ночью к больному. Ратимир собирался показать Игорю, как лучше держать нож, а брат уже успел заменить засов, который отец так и не переделал.

— Может, ушли на другой берег, — сказал Лейф.

Ратимир поднял голову.

— Зачем?

— Не знаю. Из-за болезни.

Он сам думал об этом с тех пор, как вошёл к Ждану. Слова, произнесённые другим, сделали догадку слишком близкой.

Ратимир встал, вышел во двор и медленно обошёл дом. Под стеной лежали дрова, прикрытые корой. Поленница осела, но нижние поленья оставались сухими. За хлевом валялось старое ведро без дна. Из-под навеса убрали лодку. На земле остались две длинные вмятины от полозьев, по которым её вытягивали, и примятая трава между ними.

Он поднял несколько стеблей. Под ними уже желтела новая поросль.

Лодку убрали не сегодня.

Дальше начиналась узкая полоса леса. Через неё можно было выйти на пожню и к тропе, ведущей в другие селения. Ратимир дошёл до первых елей. Земля здесь сохранила старые следы лучше, но их успели пересечь звери. Среди человеческих отпечатков набралась вода,

[11] Пряслице — небольшой грузик, который надевали на веретено, чтобы оно равномернее вращалось при прядении.

по краям осыпались песчинки. Он различил несколько направлений и не сумел понять, каким прошли последним.

Отец велел бы перестать торопиться.

Ратимир выпрямился. Пока он разглядывал землю возле дома, Лейф успел обойти ещё два двора.

— Пусто, — сказал парень. — И скотины нет.

— В житницу заглянул?

— Там только обручи.

Они пошли вместе. Малый сруб стоял на низких опорах; под ним шуршала сухая трава. Дверца открывалась наружу. Внутри было достаточно светло, чтобы увидеть сдвинутые к стене пустые короба и следы волочения на досках пола. В щели осталась горсть зерна. Ратимир подцепил её пальцем. Часть зёрен разбухла от сырости, часть успели съесть мыши.

Если люди уходили, они брали с собой запас. Если приходили чужие, они тоже начинали с него.

Он проверил косяк. Дерево вокруг отверстия для запора не было выбито. На пороге не осталось зарубок от топора.

В других дворах повторялось то же. Двери целы, тяжёлая утварь на месте. У одного дома лежала недоплетённая верша, у другого — полено с начатой выемкой под ковш. В небольшом хлеву висел обрывок ремня; его перерезали ровно, возле самого узла. На стене сарая осталась связка сухой крапивы, и Лейф задел её рукавом. Сверху посыпалась труха.

Ратимир обошёл все дворы. За новым домом нашёл ещё один, которого не помнил. Получалось одиннадцать. Ни возле одного не дымилась печь.

Он крикнул с края пожни, назвал себя, потом позвал брата. Ответ пришёл слабым отражением от леса. Ратимир подождал и крикнул ещё раз.

Лейф опустил глаза.

— Надо сказать Эйрику.

— Скажем.

Возвращаясь к реке, Ратимир заметил на внутренней стороне ворот такую же светлую царапину, как на двери своего дома. Тогда, снимая засов, он принял её за след инструмента. Здесь черты были видны лучше.

Он откинул мокрый рукав и провёл пальцем по дереву.

Две линии сходились сверху под углом. Под ними шли короткие зарубки. Нижняя часть рисунка оставалась открытой.[12]

Ратимир перестал слышать шаги Лейфа.

В памяти появился нож в отцовской руке. Светлая деревянная пластина. Чужой человек, сидевший так, чтобы с порога не было видно его лица. Отец накрыл вырезанные черты ладонью, и мальчик ушёл, с чувством вины, хотя и не понимал, в чём провинился.

Он помнил этот рисунок хуже, чем отцовские пальцы. Теперь недостающее складывалось прямо у него перед глазами.

На дереве возле знака виднелся ещё один короткий надрез. Его нанесли отдельно, ниже остальных.

— Ты такое видел? — спросил Ратимир.

Лейф наклонился, щурясь.

— Купеческая метка?

— Не знаю.

[12] Знаки адептов — условные эмблемы внутри мира романа; они не являются буквами исторического рунического алфавита.

— На грузах всякое режут. У нас один хозяин ставил птицу. Сам говорил, орёл, а все звали курицей.

Он улыбнулся и тут же перестал, взглянув на Ратимира.

Тот ещё раз провёл по надрезу. В углублении застряла тонкая щепка. На открытой стороне столба дерево выветрилось сильнее; здесь, под поперечиной, оно сохраняло светлый цвет. Сколько времени прошло, Ратимир определить не мог.

Он проверил остальные ворота. Метка нашлась ещё в трёх местах. На двух дождь размыл грязь вокруг царапин, на третьем поверх них легла паутина.

У его дома рисунок был вырезан сбоку, ближе к петлям. Ратимир раньше не видел здесь никаких знаков. По крайней мере, не помнил.

Ему хотелось счесть их предупреждением о болезни. Тогда можно было бы искать временную стоянку выше по реке. Но отец прятал такую же метку задолго до болезни, от которой умер. И приказал её не повторять.

Ратимир убрал руку.

— Покажи, где оставил лодку.

Они спустились тем же путём. Сверху стали видны обе колеи у пристани. Теперь Ратимир различал, как они сходились к месту, укреплённому короткими брёвнами. Здесь поднимали или опускали что-то тяжёлое, пользуясь верёвкой. По мокрому склону несколько раз протащили полозья.

Течение принесло к настилу клубок травы. Он упирался в сваю, поворачивался и снова прилипал к дереву. Из камыша донёсся протяжный сиплый звук.

Лейф обернулся.

Ратимир помнил, как Веслава пугала детей голосами за рекой. Если окликнут из тумана, сначала надо увидеть говорящего. Игорь однажды спросил, что делать, если зовёт мать. Веслава ответила, что мать придёт сама и оттаскает за уши.

Камыш качнулся. Из зарослей вышла утка с тёмной головой и коротко крякнула. Тот сиплый протяжный звук больше не повторялся.

Ратимир наклонился к опорному бревну. Между ним и берегом застряло несколько щепок. Одна была толще остальных, с обломанным отверстием у края. Он вытащил её вместе с мокрыми листьями.

Это оказалась половина деревянной бирки[13]. Край разошёлся вдоль волокон; через одну длинную насечку проходил излом. Ниже помещались короткие черты, нанесённые наискось. Ратимир вытер дощечку о край плаща. Ничего знакомого на ней не было.

Он завернул обломок в тряпицу и убрал в мешок.

Лейф подтянул лодку. Ратимир придержал её, пока парень садился.

— Скажешь Эйрику: в домах людей нет. Все дворы обошли. На дороге никого не встретили.

— Пусть пришлёт людей?

— Пусть знает, что мы видели. Я останусь здесь. Если сможет подождать до вечера, пусть даст знать.

Лейф не взялся за вёсла.

— Один будешь?

— Это мой дом.

Слова прозвучали резче, чем следовало. Ратимир отпустил борт, потом снова придержал его.

— Спасибо, что помог.

---

[13] Бирка — дощечка с зарубками для учёта и расчётов. Расщеплённые части могли храниться у разных участников передачи груза и затем сверяться. Порядок расчётов между домами адептов в романе вымышлен.

Парень кивнул. Прежде чем оттолкнуться, он посмотрел на дома и негромко произнёс несколько слов на своём языке. Ратимир разобрал обращение к Господу. В походах он слышал эту молитву от людей, которым было страшно перед высадкой.

— И за них? — спросил он, кивнув к берегу.

Лейф помедлил.

— Да.

Ратимир оттолкнул лодку от досок.

Когда парень скрылся за поворотом, он ещё некоторое время слышал вёсла. Потом остался плеск воды о сваи. Озеро за ольхами посветлело; туман начал рваться, открывая полосы берега. Теперь в протоке можно было различить лежащие на дне ветки.

Ратимир вернулся к дому.

На пороге он остановился возле метки. Попробовал вспомнить, что отец сказал незнакомцу после того, как отослал мальчика. В памяти осталось только приглушённое бормотание. Ночью ему уже казалось, что он вот-вот узнает знакомое слово. Сейчас приходилось довольствоваться несколькими чертами на дереве.

Он вошёл, поставил у стены свой меч и снял плащ. Под ним рубаха успела промокнуть. Пока он ходил, это почти не мешало; теперь холод сразу добрался до плеча.

Сперва надо было согреться и поесть.

Воду он набрал у ручья, выше мостков, где прежде полоскали одежду. Вернулся в дом и поставил горшок возле печи.

Он принёс сухие поленья из середины поленницы. Проверил печь, осмотрел отверстие под кровлей, через которое выходил дым. Потом сгрёб старую золу к краю устья, положил тонкие щепки и достал огниво[14].

Первые искры погасли. Трут отсырел в дороге. Ратимир перебрал его, нашёл сухой комок в середине и попробовал снова. Когда появилась красная точка, прикрыл её ладонью и долго, осторожно раздувал.

Огонь принялся за лучину[15]. По тонкому дереву побежала светлая полоска, поднялся дым. Ратимир отнял руку слишком рано, и щепка выскользнула на камни. Он замер, глядя, как загибается её обугленный край.

В горле стало тесно.

Он дождался, пока вернётся дыхание, поднял лучину и поднёс к сухой коре. На этот раз держал её, пока огонь не взялся крепко.

Дым пополз под кровлю. Ратимир открыл верхний щиток и отошёл к двери, пока не выровнялась тяга. Знакомый едкий запах въелся в рубаху. От печи потянуло теплом.

На дне мешка оставались хлеб и сушёная рыба. Он положил их на стол, достал завёрнутый нож, который вёз брату, и долго смотрел на шерстяной свёрток.

Ратимир собирался вручить его сразу. Хотел посмотреть, удобно ли Игорю держать рукоять. Теперь казалось странным, что ещё ночью можно было думать о таких вещах и почти не бояться утра.

Он развернул нож и положил на полку. Достал две чашки, но воду налил только в одну.

Поесть удалось не сразу. Хлеб крошился, приставал к сухому нёбу. Ратимир заставил себя доесть кусок, выпил и сел на лавку, держа остаток рыбы на коленях. От печи уже шло слабое тепло. В верхнем углу потрескивало дерево.

Он посмотрел на кровлю.

---

[14] Огниво — металлическое приспособление для высекания искр при ударе о кремень. Трут — подготовленный сухой материал, способный тлеть от попавшей искры.

[15] Лучина — тонкая длинная щепка, которую использовали для освещения и растопки.

В стыке между досками темнела протечка. Влага спускалась по балке, и у стены на неё налипла труха. Ратимир собирался чинить эту кровлю ещё восемь зим назад, перед первым уходом. Отец тогда сказал, что без него справятся.

Под балкой угадывался край свёртка.

Ратимир встал.

В детстве он видел там длинную вещь, обмотанную тканью. Однажды приставил к стене скамью и полез посмотреть. Мать застала его на полпути и велела слезать: отец не разрешал трогать то, что лежало под кровлей. Ратимир решил, что там хороший железный прут или оружие, приготовленное для продажи. Позже забыл.

Он подтащил лавку к стене, проверил, не разойдутся ли ножки, и поднялся. Под самым свесом было тесно. Пришлось согнуться, придерживаясь за балку. Плечо пронзило болью; Ратимир переждал, перехватился другой рукой и нащупал край ткани.

Свёрток лежал поперёк двух деревянных подкладок. В месте протечки шерсть отсырела и прилипла к доске. Он осторожно отделил её, почувствовал под ладонью твёрдую продолговатую вещь и отодвинул к себе. Из складок посыпалась серая пыль.

Ратимир спустился, прижал находку к груди и положил на стол.

Ткань когда-то перевязали в трёх местах. Один ремешок истлел, два других пришлось перерезать. Под шерстью оказался второй слой, более плотный. Ратимир отогнул его и увидел рукоять.

Меч.

Он не помнил, чтобы отец носил такой. На охоту тот брал копьё, в лесу обходился ножом и топором. Если уходил с чужими людьми, оружие оставалось под плащом; мальчик видел только ремни и наконечники, мелькавшие у пристани.

Ножны потемнели от времени. Кожа возле устья разошлась, обнажая дерево. Ратимир придержал их и потянул рукоять. Клинок поддался не сразу. Изнутри посыпалась ржавая крошка.

Он остановился, чтобы не сломать рассохшееся дерево, освободил устье ножен кончиком своего ножа и попробовал ещё раз. Лезвие вышло до середины. На одной стороне шли рыжие пятна, под ними сохранялась тёмная гладкая полоса. Дальше клинок держало слишком крепко.

Ратимир вернул его на место. Нужны были масло, время и руки мастера. Сейчас можно было испортить то, что уцелело.

Он повернул рукоять к свету.

Металлическое навершие[16] было шире, чем у его собственного меча. Посредине сидел небольшой серый камень. Через него наискось проходила красноватая прожилка; по обе стороны темнели две узкие вставки, почти сливавшиеся с металлом. Ратимир поскрёб одну ногтем и нащупал ровный край.

Похоже на закрытое гнездо.

Он поднёс рукоять ближе к двери. На серой поверхности обнаружились тонкие углубления, забитые грязью. Ратимир намочил угол тряпицы и протёр камень.

Две линии сходились вверху. Внутри шли короткие зарубки. Снизу рисунок оставался незавершённым.

Такая же метка была на двери.

Ратимир посмотрел на неё через плечо, затем снова на меч. Узор на камне был нанесён раньше, чем тот попал в оправу: край одной черты уходил под металлический ободок. Он провёл пальцем по красной прожилке и почувствовал подушечкой царапины.

Отец называл этот знак чужим.

---

[16] Навершие — деталь на конце рукояти меча.

Но меч лежал в его доме. И когда-то отец счёл нужным спрятать его так, чтобы даже сыновья не знали, что у них над головой.

Снаружи хрустнуло дерево.

Ратимир положил находку на стол и потянулся к своему оружию. Он уже вынимал клинок из ножен, когда возле порога послышался сухой кашель.

В дверном проёме стоял человек.

Волосы свисали на лицо редкими белыми прядями. На худых плечах держался чужой, слишком широкий плащ, снизу обросший репейником. Старик опирался на косяк обеими руками. Пальцы были грязными, с синими ногтями. Он посмотрел на огонь, потом на Ратимира.

Тот опустил меч остриём к полу.

— Где люди?

Старик шевельнул губами. Пришлось ждать, пока он переведёт дыхание.

— Боривой?

Ратимир крепче сжал рукоять.

— Его сын. Где Игорь?

Старик продолжал смотреть ему в лицо. В глазах стояла влага; было непонятно, узнаёт он кого-нибудь или просто пытается разглядеть в дыму. Потом взгляд опустился к столу и остановился на сером камне.

Он втянул воздух, словно хотел что-то сказать, но закашлялся снова. Ратимир прислонил свой меч к стене и шагнул к нему. Успел подхватить старика под локоть, когда у того подогнулись ноги.

Под плащом чувствовались острые кости. Человек дрожал всем телом, но рука у него была горячей.

— Сядь. Сейчас дам воды.

Старик ухватил его за рукав. Пальцы сомкнулись неожиданно крепко.

— В этот раз, — прошептал он, — ты вернулся раньше.

* * *

Ратимир высвободил рукав и подхватил старика под другую руку.

Тот оказался легче, чем можно было ожидать от человека такого роста. Под мокрой одеждой почти не осталось тела. Ратимир довёл его до лавки, усадил боком к печи и придержал за плечо, пока тот не нашёл опору для спины.

Вторая чашка стояла на столе пустой. Он налил в неё воды.

Старик потянулся обеими руками, но пальцы не слушались. Ратимир сам поднёс чашку к его рту. После первого глотка пришлось отнять: человек закашлялся, согнулся, прижимая локти к бокам. Дрожал он так сильно, что лавка постукивала о стену.

— Не спеши.

Сказав это, Ратимир поймал себя на том, что смотрит на дверь. Снаружи оставался целый день. Можно было идти по следам, обойти берег, добраться до соседних дворов выше по реке. Вместо этого он стоял посреди дома с чашкой в руке и ждал, пока незнакомец сможет проглотить воду.

Он дал ему ещё немного.

— Как тебя зовут?

— Добран.

Ратимир поставил чашку.

Имя он слышал прежде, в этом самом доме. Отец однажды назвал так младшего брата своего отца. Мать переспросила, и разговор быстро закончился: Добран давно погиб, больше говорить было не о чем. Тогда Ратимир не стал расспрашивать. У взрослых хватало умерших родичей, которых дети знали только по имени.

— Ты откуда?

— Здесь жил.

— Когда?

Добран поднял голову. Слабый свет из двери падал ему на щёку; возле уха кожа была прорезана старым белым рубцом.

— До Боривоя. Пока он мал был.

Ратимир отступил на полшага.

— Любомира знаешь?

— Брат мой.

В печи треснуло полено. Ратимир повернул голову на звук, затем снова посмотрел на старика.

Ему хотелось поверить сразу. Это было почти так же неприятно, как желание оттолкнуть незнакомца и потребовать ответа об Игоре.

— Любомир умер, — сказал он.

— Знаю.

— Давно.

Старик опустил глаза на свои руки.

— Весть дошла.

Ратимир помнил деда тяжёлым человеком с густыми бровями. Когда тот ел, край чашки ложился в сгиб указательного пальца: палец почти не разгибался. Ратимир в детстве пробовал держать чашку так же и обливался.

— У него рука была повреждена. Какая?

Добран пошевелил левой кистью, будто примеряя к ней чужую боль.

— Палец. Ближе к большому. Полозом придавило, когда лодку тянули. Он потом всё говорил, что это я верёвку раньше времени отпустил.

В уголке рта на миг появилась складка.

— А ты?

— Отпустил.

Ратимир сел на край стола. От старика пахло мокрой землёй, дымом и застарелым потом. Из-под плаща торчал край рубахи, сшитый грубой светлой нитью. На одном рукаве шов разошёлся, и кожу под ним покрывали мелкие царапины.

— А Боривой? — спросил Добран.

— Умер зимой.

Старик закрыл глаза.

— Игорь говорил, — произнёс он наконец. — Всё путаю.

Ратимир подался вперёд.

— Ты видел Игоря?

Добран открыл глаза. Посмотрел на него уже внимательнее, словно услышанное имя помогло удержаться в комнате.

— Видел.

— Когда в последний раз?

— Когда уводили людей. На тропе к воде.

— Он был ранен?

— Шёл сам.

Ратимир медленно выдохнул.

До этого мгновения он представлял брата лежащим где-нибудь за стеной, под перевёрнутой лодкой, в лесу. Старался не представлять — и всё же успел увидеть слишком многое. Теперь появился другой Игорь: взрослый человек, идущий к пристани на собственных ногах.

— Куда их повезли?

Добран потёр лоб. Пальцы остановились у виска.

— По реке.

— Вниз? К озеру?

— До пристани я не дошёл.

Ратимир замолчал. Он едва не выкрикнул следующий вопрос и стиснул зубы.

С промокшего плаща старика натекла тёмная лужица. Он всё ещё сидел у огня в мокрой одежде, а Ратимир всё допытывался, кто ушёл и куда.

Тот встал.

— Плащ снимем.

Добран попытался отстраниться, потом позволил расстегнуть застёжку. Под плащом оказалась короткая накидка из грубой шерсти, тоже сырая. Ратимир повесил обе вещи на жердь подальше от открытого огня. На полу остались листья и несколько репейных головок.

Обувь пришлось снимать осторожно. На одной ноге ремешок затянулся тугим узлом; Ратимир поддел его ножом. Онучи[17] прилипли к щиколоткам. Добран вздрагивал всякий раз, когда их разворачивали, но не жаловался. Возле пятки кожа была натёрта до крови.

— Где ты ночевал?

— В старом зимовье[18]. За пожней. Потом под навесом у реки.

— Там же продувает.

— Я заметил.

Ратимир поднял голову. Старик смотрел на него без улыбки, однако в голосе впервые послышалось что-то, кроме слабости. Он мог представить, как тот разговаривал с отцом. Так же коротко отвечал дед, когда ему указывали на очевидное.

Ратимир нашёл сухую рубаху в своём мешке. На Добране она натянулась в плечах, зато он перестал цепляться за мокрый край одежды. Ноги Ратимир обернул чистым полотном, поверх укрыл своим плащом. Чтобы положить человека, пришлось придвинуть вторую лавку и заткнуть щель у стены свёрнутой шерстью.

Добран лёг, подтянув колени, и некоторое время следил, как Ратимир подкладывает в печь. Потом взгляд его остановился на столе.

Там лежал развёрнутый меч.

— Убери с края, — сказал старик.

Ратимир переставил горшок с водой.

— Меч.

Он взял оружие. Серый камень на навершии успел высохнуть, и красная прожилка сделалась заметнее. Добран приподнялся на локте, но близко смотреть не стал.

— Знаешь его?

— Камень знаю.

— Откуда?

Добран протянул руку. Не дотянулся, опустил её на плащ.

— Боривой держал его так же. Прикроет пальцами, а сам всё смотрит.

Ратимир вспомнил светлую дощечку под отцовской ладонью. Он был уверен, что помнит почти всё важное об этом доме. Добран за несколько слов открыл в нём чужую жизнь.

— Что за знак?

— Порог.

— Чей?

— Дома, который даст тебе кров.

Ратимир повернул меч рукоятью к себе.

---

[17] Онучи — полосы ткани, которыми оборачивали ноги под обувью.

[18] Зимовье — небольшое жилище для временного пребывания на промысле, обычно вдали от поселения.

— Здесь таких знаков на дверях несколько. Дома пустые.

Добран отвёл глаза к огню.

— Люди должны были остаться под защитой.

— Под чьей?

Добран снова лёг. Ратимир отодвинул оружие на середину стола.

— Под чьей, Добран?

— Того, кто принял их. Надо имя знать.

— А ты не знаешь?

— Тех, что пришли, я не знал.

Старик произнёс это отчётливо. Ратимир ещё немного постоял возле него, затем вышел во двор за дровами.

Воздух успел потеплеть, но солнце так и не показалось. Над лесом лежала ровная серая полоса. Ветер, прежде шедший от суши, теперь цеплял кровли со стороны озера; на дальнем плетне раскачивалась забытая тряпица. Из-под навеса пахло сухой корой.

Ратимир набрал поленьев и задержался возле нового столба. Отсюда был виден угол Жданова дома. Сосед просил прислать из-за моря хорошее железо. Ратимир не помнил, выполнил ли просьбу.

На тропе показался Лейф. Он шёл быстро, придерживая свёрток на плече. Под мышкой нёс небольшой мешок. Увидев Ратимира, замедлил шаг.

— Эйрик велел передать.

Свёртком оказалась овечья шкура. В мешке нашлись горсть ячменной крупы, хлеб и кусок солёной рыбы. Ещё Лейф принёс деревянную ложку, завернув её в край шкуры.

— На судне взял, — сказал он. — Вернёшь.

Ратимир кивнул.

— А хозяин?

— До заката подождёт. На ночь уйдёт за мыс, там тише. Утром отплывает.

— Ветер?

— Поворачивает. Он сказал, здесь ночевать не станет. Если пойдёшь с нами, спускайся до темноты.

Из дома донёсся кашель.

Лейф посмотрел на дверь. Ратимир переложил дрова в одну руку.

— Нашёл человека.

— Живого?

— Больного. Зайди, поможешь.

Парень сжал мешок под мышкой и шагнул следом.

Добран приподнял голову, увидев второго человека, и попытался сесть. Ратимир положил дрова возле печи, придержал его за плечо.

— Это Лейф. Он меня привёз.

Старик оглядел чужой пояс, мокрые сапоги, вернулся взглядом к лицу. Лейф замер у стены. На разбитой губе растянулась тёмная корочка.

— Положи шкуру сюда, — сказал Ратимир.

Они укрыли Добрана. Лейф держал край, пока Ратимир подворачивал его под бок. Старик закрыл глаза, и веки у него задрожали.

— Давно он здесь? — тихо спросил парень.

— Пока не знаю.

Ратимир поставил горшок к жару и всыпал немного ячменя. Рыбу разобрал от костей, добавил в воду.

Запах еды постепенно перебил сырость. Лейф присел возле огня, потянул носом и отвёл глаза от горшка. Ратимир отрезал ему хлеба.

— Ты сам ел?

— На судне.

Кусок он всё же взял.

— Можно помолиться? — спросил он.

Ратимир посмотрел на старика.

— Ты слышишь?

Добран открыл глаза.

— Слышу.

— Лейф хочет помолиться за тебя.

Добран посмотрел на парня.

— Я другим богам молюсь. Его бог чужого услышит?

— Услышит, — ответил Лейф сам.

Старик помолчал, потом кивнул.

— Пусть.

Парень опустил голову и заговорил негромко, по-своему. Ратимир уже слышал эти слова у пристани. Сейчас они шли медленнее; одно Лейф повторил, запнувшись, потом всё-таки закончил.

Добран ещё немного смотрел на него.

— Имя моё скажи, — попросил он.

— Добран, — произнёс Лейф, с трудом выговаривая конец.

Старик кивнул и снова закрыл глаза.

Каша разбухала медленно. Добран поначалу отворачивался от ложки, потом начал есть. Ратимир придерживал чашку и ждал каждого глотка.

Когда старик откинулся на шкуру, в горшке осталось больше половины.

— Тебе тоже, — сказал Лейф.

Ратимир поднял на него глаза.

— Поешь. Ты ему уже дал.

Они доели по очереди, передавая друг другу ложку. Лейф обжёгся, выдохнул сквозь зубы; Ратимир отодвинул горшок от камней.

Потом сверху капнуло на стол.

Он посмотрел на балку, с которой снял меч. По тёмной полосе протечки сползала новая капля. Дождь начинался мелкий; снаружи пока слышался только ровный шорох.

— Лестницу в сарае видел? — спросил Ратимир.

— Видел.

— Помоги вынести.

Лестницу сбили из двух жердей и коротких поперечин. Нижняя сгнила с одного края. Ратимир обрезал трухлявое дерево, приставил лестницу под свесом и велел Лейфу держать обеими руками. На третьей перекладине пришлось остановиться: плечо отозвалось болью, когда он потянулся к кровле.

Он спустился, переставил лестницу ближе к стене и полез снова.

Вода проходила через трещину длиной в пядь[19]. Сверху её пытались закрыть обломком доски, но тот сдвинулся. Под ним почернела старая береста. Ратимир осторожно приподнял край кровельной доски, вычистил мокрую труху и попросил Лейфа подать кору из-под навеса.

С высоты стала видна узкая полоса озера. Вода потемнела, на ней появились светлые ломаные края. Судна за мысом не было видно. Над ольхами качался верхний конец мачты; под ним кто-то поднимал и снова опускал свёрнутое полотнище.

[19] Пядь — мера длины по расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. Её величина могла различаться.

Ратимир задержал взгляд на этом движении. Там люди готовились к ночной стоянке. Перекладывали груз, считали остатки еды, спорили о ветре. Он ещё утром был среди них.

— Держишь? — спросил он.

— Держу.

Ратимир заложил под доску кусок бересты, перекрыл им трещину и закрепил старый обломок сверху. До холодов этого было мало. До утра должно было хватить.

Когда он спустился, Лейф потёр руки о рубаху. Ладони у него были красными, с мелкими занозами. Ратимир взял его за запястье и кончиком ножа вынул самую длинную.

— Остальные сам достанешь.

Лейф посмотрел на нож.

— Хороший.

Ратимир перевернул рукоять в ладони. Он взял с полки подарок для Игоря, не заметив этого. На клинке остались влажные крошки коры.

Он вытер железо и положил нож обратно.

В доме стало теплее. Добран лежал, отвернувшись к стене. Ратимир постоял возле него, дождался следующего вдоха. На стол больше не капало.

Лейф оглянулся на дверь.

— Мне пора.

Ратимир достал мешочек с серебром. После расчёта с Хаконом в нём оставалось несколько обрезков.

Он отделил небольшой обломок.

— Эйрику. За еду. Шкуру пока оставлю.

— Он не велел брать.

Ратимир положил серебро в ладонь парня.

— Передай ему самому.

Лейф спрятал обломок в поясной мешочек. Ещё немного постоял у огня, разглядывая тёмный след на стене там, где прежде висела одежда.

— Уйдёшь с нами?

— Нет.

— Тогда я скажу, что ты остаёшься.

Ратимир проводил его до ворот.

— Если увидишь в лодке кого из наших, спроси про Игоря. Про сына Боривоя.

Лейф повторил имя, чтобы запомнить.

— Скажи, я дома, — добавил Ратимир.

Парень кивнул и пошёл к реке. Он уже знал, где скользко. Возле поворота опёрся на ствол, через которое Ратимир утром перешагнул слишком быстро, и исчез между стволами.

Дождь густел. По обе стороны тропы листья начинали прилипать к земле. Ратимир посмотрел на них, затем на дорогу к лесу. Лёгкие следы, которые он успел увидеть, к утру могли исчезнуть совсем.

Возвращаясь, он задвинул засов на воротах. Не запер наглухо: оставил щель, через которую было видно, если кто-то подойдёт.

Добран проснулся от звука двери.

— Один остался?

— Да.

— Мальчик ушёл?

— К своим.

Ратимир поднёс ему воды. Старик смог удержать чашку сам, хотя пришлось подпереть ладонь другой рукой. Пил он медленно. По лицу вернулся слабый цвет, и глаза смотрели спокойнее.

Ратимир подвинул лавку, сел рядом.

— Теперь расскажи. Откуда ты шёл сюда?

— От зимовья.

— А к зимовью когда пришёл?

Добран провёл большим пальцем по краю чашки.

— Когда чужие появились. Ждан мне сказал, что идут люди. Я собрался до вечера. Думал, пережду день, другой.

— Ты жил у Ждана?

— Помогал ему. Пока мог. Зимой у Боривоя бывал, потом уходил. Подолгу в одном доме не оставался.

— Игорь знал, кто ты?

— Боривой представил приезжим. Так и остался.

— Ты зачем вернулся?

— Брата уже не было. Хотел увидеть его сына.

— И ты его увидел.

Добран поднял глаза.

— Увидел. Боривой тогда ещё выходил во двор. До больших холодов.

Добран смотрел спокойно. Ратимир отвёл глаза: сам он собирался войти сюда, как будто восемь лет ничего не изменили. Старик вернулся к родным под чужим именем.

— От кого ты скрывался?

— Людей, которые помнили, что я сделал.

— Что сделал?

Старик опустил чашку на колени. Долго смотрел на воду.

— Помог ушедшим. Некоторые должны были остаться. Я отвёл их другой дорогой.

— Боривой знал?

— Знал.

— Ждан приносил еду. В последний раз оставил у пня, где раньше сеть сушили. Сказал, надо подождать. Потом больше не пришёл.

— Ты за ним ходил?

— Ходил. Вечером. У домов были чужие. Двое стояли возле прохода к воде. Я остался за плетнём.

— С оружием?

— У одного копьё. У другого нож на поясе. Остального я не разглядел.

Добран говорил ровно, но чашку сжимал сильнее. Ратимир забрал её и поставил на пол возле лавки.

— Они тебя видели?

— Нет.

— И ты ничего не сделал?

Старик не отвёл глаз.

— Я спрятался.

Ратимир сжал руки между коленями.

Возле горящего дома он стоял с мечом в руке. Тому человеку на пороге не помог никто.

Ратимир расправил край шкуры, сползший на пол.

— Игоря когда видел?

Добран перевёл дыхание.

— Утром. Я лежал в ольшанике, ниже тропы. Он прошёл к воде. С ним женщина шла, ребёнка держала. Мальчик поменьше сзади тащил мешок. Игорь у него взял, дальше сам понёс.

Ратимир представил плечи брата под тяжёлой ношей. Всё ещё не знал, каким стало его лицо.

— Сколько с ними было людей?

— Эту троицу я видел близко. Потом ещё шли. Между деревьями только ноги мелькали.

— Они кричали? Их гнали?

— Не слышал. Один плакал. Маленький.

— Чужие рядом были?

— Были.

Ратимир поднялся, прошёл к двери и вернулся.

Игорь нёс чужой мешок. Шёл сам. Ратимир удерживал эти две подробности, не позволяя себе представить, как брата ведут на верёвке. Дальше тропы Добран его не видел.

— Ты сказал, их уводили. Откуда знаешь?

— Жданову лодку сняли с подкладок. Когда я вернулся, лодки уже не было. Других тоже. Но как отплывали, я не видел. Даже те, кто обещал дождаться, ушли.

— Кто говорил?

— Ждан. Ещё один человек. Голос я слышал, лица не видел. Обещали, что поживут пока выше по реке. У белого камня, где прежде лодку держали.

— На Старом Перевозе?

Добран кивнул.

Это место Ратимир знал. Выше последнего поворота река сужалась, берега поднимались, а справа подходила сухая тропа из леса. Когда-то там держали лодку. В детстве он находил возле воды гниющие колья и сердился, что отец не разрешает тратить железный наконечник стрелы на старое дерево.

— Кто их должен был принять?

— Поручитель[20]. Имя я не услышал.

— Где его искать?

— Боривой туда ходил. Игорь дорогу знал. Может, на месте что осталось.

Ратимир кивнул. До Старого Перевоза он мог дойти пешком. Если там принимали людей из разных дворов, должны были остаться следы общей стоянки. Тяжёлую поклажу не унесёшь по мокрой земле, не примяв ни ветки.

Он посмотрел в дверь. День убывал. В лесу стемнеет раньше, чем над водой, а ему предстояло ещё разобраться с человеком на лавке.

— Сколько ты здесь один?

Добран помедлил.

— Дожди дважды надолго шли. Может, больше. Я дни не считал.

— Чем питался?

— В зимовье зерно оставалось. Летом сушил рыбу. Потом по дворам ходил. Под досками ещё находил.

— На мой голос почему не вышел?

— Спал, должно быть. Потом дым увидел.

— Решил, вернулись?

Старик едва заметно кивнул.

Некоторое время Ратимир сидел молча. Снаружи шуршал дождь. Поленья в печи разгорелись крепко, и на камне проступила сухая светлая полоса. Тепло коснулось больного плеча. Он почувствовал, насколько устал за ночь и за этот день.

Добран смотрел на меч.

Ратимир снова принёс его к лавке, поддерживая рассохшиеся ножны обеими руками.

— Из-за него ты боишься?

---

[20] Поручитель — человек, принимающий ответственность за другого. Порядок поручительств внутри союза адептов в романе вымышлен.

Старик осторожно коснулся края оправы. Его ноготь прошёл возле серого камня и остановился, не задев рисунка.

— Боривой взял его, когда другие уже не могли отвечать.

— За что отвечать?

— За тех, кто попросит помощи.

— Любой?

Добран провёл языком по сухим губам.

— Придёт человек с верным поручительством. Назовёт, кто его послал, где принимали, чего обещали. Надо выслушать. Дать кров, если в пути застигла беда. Погибнет — сказать родным, как его звали и где остался.

— У нас таких Очагами звали, — добавил Добран. — Дом давал место у печи. Вода брала в дорогу. Пепел на дальнем берегу должен был спросить, все ли дошли.

— Кто над ними?

— Прежде друг у друга спрашивали. Теперь на север кивают.

Ратимир посмотрел на свою руку, лежавшую на ножнах. На ней всё ещё держалась полоса грязи с пристани.

— А если это враг?

— Боривой тоже спрашивал.

— Что ему ответили?

— Когда он брал меч, там уже были чужие семьи. Им всё это прежде обещали.

Старик вздрогнул, и Ратимир отодвинул оружие, решив, что задел больное место. Добран посмотрел на него.

— Он хотел их вернуть, — сказал он. — Не всех смог.

Ратимир вспомнил несколько отцовских возвращений. В доме вдруг становилось тихо, мать отсылала детей, а на стол ставили еду, к которой отец долго не прикасался. Ратимир считал, что тот устал в лесу или не сошёлся в плате с перевозчиком. Сам хотел поскорее вырасти, чтобы его тоже брали на такие дела.

— Ты с ним был?

— Был.

— Тогда и вернуться ждал?

Добран нахмурился.

— Что?

— Ты на пороге сказал: в этот раз раньше.

Старик некоторое время молчал. Потом взгляд его прояснился, и он медленно отвернулся к печи.

— Мы Боривоя ждали. Давно. Он за людьми пошёл. Поздно пришёл.

— И ты меня с ним спутал.

— Голос твой услышал. Думал, он.

Ратимир прикрыл камень тканью. Хотел спросить, кого отец не вернул, но Добран уже дышал часто и неглубоко. Имя Игоря он ещё мог произнести, не боясь услышать в ответ имя мёртвого.

— На двери возле знака ещё одна черта, — сказал он. — Она что значит?

Добран присмотрелся к рисунку на камне, затем покачал головой.

— Такой у нас не было. Мне надо увидеть.

Ратимир нашёл щепку и ножом повторил надрезы, как запомнил их на двери. Старик долго рассматривал, поворачивая дерево к свету.

— Не знаю, — сказал наконец. — Кто резал, тот должен ответить. По одному знаку не ходи. Имя спроси, кто отвечает.

Он завернул меч в сухую часть шерсти. Влажную ткань развесил возле печи.

— Отца где похоронили?

Добран назвал старую сопку[21] за пожней, затем объяснил, с какой стороны искать новую небольшую насыпь. Ратимир знал туда дорогу. В детстве ходил с матерью, нёс за ней узелок с едой и старался не отставать на подъёме.

— Игорь сам показал, — добавил старик. — После зимы. Камни туда носил, когда снег сошёл.

— Кто был с отцом в конце?

— Игорь. Я приходил раньше. Он ещё разговаривал. А той ночи не видел.

— Утром схожу, — сказал он.

Ратимир поправил на старике шкуру, подвинул воду и сел возле двери чинить ремень на его обуви.

К вечеру ветер стих. Дождь пошёл ровнее, мелкими каплями. Дом снова имел свои звуки: сопела прогревшаяся печь, тянулась под пальцами сырая кожа, иногда со стены падала соринка. Ратимир несколько раз ловил себя на том, что ждёт шагов Игоря на крыльце.

Вместо них услышал голос Добрана:

— К Ждану ты ходил?

— Ходил.

— За хлев тоже?

Ратимир отложил ремень.

— Что там?

Старик с трудом повернулся на бок, лицом к двери.

— На краю низины ольха сухая. Возле неё землю вынимали.

— Когда?

— Пока меня не было. Пришёл — увидел. Туда доски набросали, а сверху ветки.

Ратимир подумал о следах у пристани, о запасах, которые увезли, о спрятанных в домах вещах. Под землёй тоже могли оставить зерно. Или то, за чем собирались вернуться.

— Ты смотрел?

— Ветки отодвинул. Дальше не стал.

— Почему?

Добран отвёл глаза.

— Запах был.

Ратимир встал.

Старая сопка находилась за пожней, на высоком сухом месте. За Ждановым хлевом начиналась сырая низина, откуда в домах слышали лягушек. До этого дня он не знал там никаких могил.

Он открыл дверь. На крыльце было темно. В дальнем проходе между домами медленно двигалась мокрая ветка, задевая стену. Больше ничего не шевелилось.

Ратимир постоял, пока холод не коснулся груди под рубахой, потом вернулся к Добрану. Проверил воду, пододвинул шкуру выше на плечи.

В сарае возле стены оставался заступ[22] с деревянным лезвием и железной оковкой. У рукояти появилась трещина. Ратимир принёс ремешок, стянул её, попробовал черенок обеими руками.

Затем поставил заступ у двери и сел возле старика ждать утра.

* * *

Угли пришлось искать под золой.

---

[21] Сопка — здесь старая высокая погребальная насыпь. Такие сооружения известны в Приладожье в раннем Средневековье.

[22] Заступ — лопата для земляных работ. Оковка — металлическая полоса, укрепляющая край деревянной детали.

Ратимир подложил к углям щепу и раздул огонь. За ночь дом остыл; возле печи сохла одежда Добрана.

Старик спал. Ратимир несколько раз подходил к нему в темноте, слушал дыхание, давал воды. Сам он задремал лишь под утро, сидя у стены. Проснулся от боли в затёкшей руке. Какое-то время не мог понять, почему рядом нет чужих спин и почему над головой так высоко.

Потом увидел заступ у двери.

Кашу пришлось разбавить водой. Пока она грелась, за дверью медленно светлело. Дождь кончился; капли срывались со свеса по одной, с большими промежутками.

Добран открыл глаза, когда Ратимир придвинул к нему лавку.

— Светает?

— Скоро.

— Я поспал.

Добран попытался приподняться, но после кашля лёг обратно. Ратимир придержал чашку, пока он пил, затем подложил под плечи свёрнутую одежду. Лоб уже не обжигал ладонь так сильно, как накануне.

В дверь постучали.

Он поднялся так быстро, что лавка скребнула по полу. Взялся за рукоять меча и только тогда спросил:

— Кто?

— Лейф. Хозяин со мной.

Парень стоял на крыльце, втянув голову в ворот. За его плечом Ратимир увидел Эйрика. Тот посмотрел сначала на руку возле меча, затем внутрь дома.

— Хотел сам спросить, что здесь случилось, — сказал он. — Мальчик рассказал, да мало что понял.

Лейф промолчал. На этот раз и хозяин не стал его поддевать.

Ратимир отступил, пропуская их.

Эйрик вошёл, не снимая плаща. Оглядел стол, развешанную одежду, старика на лавке. Взгляд задержался на печи. Он протянул к ней правую руку, которую берёг ещё на судне.

— Живой, — произнёс Добран.

— Вижу.

— Тогда со мной говори.

Эйрик повернулся к нему.

— Людей увезли?

— К воде шли. Лодки забрали.

— Кто?

Добран посмотрел на Ратимира.

— Он не знает, — ответил тот. — Видел чужих с оружием. Самого отплытия не видел.

Хозяин судна помолчал. Снаружи светлело; серый прямоугольник двери делался заметнее на тёмной стене.

— Об этом надо сказать в Ладоге.

— Ты туда идёшь?

— Если озеро пустит. Грузу под дождём лежать больше нельзя.

— Возьми его.

Эйрик не ответил сразу.

— До Ладоги возьму. Дальше что?

— У него там никого.

— У меня сестра. Гудрун. Держит двор у ручья, выше пристани. У неё дочь взрослая, помогут. Но кормить его придётся. И кому-то за ним ходить.

— Заплачу, сколько осталось. Потом приду сам.

— Когда?

— Не знаю. Сперва на Старый Перевоз. Там могли остаться наши.

Эйрик опустил руку от печи.

— За тебя срока не назову. Что на первые дни оставишь — передам. Дальше с нею сам сговоришься, когда придёшь. За дорогу возьму то, что вчера передал.

Ратимир достал серебро, отделил немного на дорогу. Остальное завязал в лоскут и положил перед Эйриком.

— Довезёшь до её дома?

Эйрик посмотрел ему в лицо.

— До дома.

Добран зашевелился под шкурой.

— Меня спросите.

Ратимир присел возле него.

— Здесь ты один не останешься. Я пойду искать Игоря.

— Вижу, что пойдёшь.

Старик долго смотрел на Эйрика. Тот терпеливо ждал.

— А если придут за мной?

— К сестре моей без спроса не входят.

— Поеду, — сказал наконец.

Собрать оказалось почти нечего. Ратимир завернул хлеб и остатки рыбы, нашёл сухое полотно для ног. Починенный ночью ремешок прошёл в отверстие с трудом. Добран следил за его руками и временами подсказывал, где затянуть слабее.

Кашу он доел сам. Дважды пролил на рубаху и сердито прикрыл пятно ладонью.

Эйрик вышел, чтобы поторопить оставленного у лодки человека. Лейф принёс из сарая широкую доску. Они с Ратимиром усадили на неё старика, подстелив сложенный плащ; мехом укрыли колени. До воды понесли вдвоём. Добран держался за края, и всякий раз, когда доска качалась, пальцы его белели.

На повороте Ратимир остановился передохнуть. Плечо ныло. Внизу между стволами виднелась лодка, возле неё ждал коренастый гребец с верёвкой в руках. Над берегом стоял тонкий пар. С озера потянуло холодом, которого возле печи уже можно было не помнить.

— У Ждана спроси, — произнёс Добран. — Если найдёшь. Он когда мне еду носил, сам толком не ел.

Ратимир перехватил доску.

— Спрошу.

Старика опускали в лодку медленно. Эйрик придерживал его за спину, Лейф расправлял шкуру, гребец следил, чтобы борт не ударился о настил. Когда всё кончилось, Добран закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно.

Ратимир положил рядом узелок с едой. Серебро передал Эйрику.

— В Ладоге тебя найду.

Добран открыл глаза.

— Отцу сперва скажи, что пришёл.

Ратимир кивнул.

Лейф уже держал весло. Оглянулся, будто хотел что-то добавить, но только поднял руку. Эйрик отвязал верёвку и оттолкнулся от края настила. Вода тихо ударила в доски.

Ратимир смотрел вслед, пока лодка не скрылась за ольхами. Потом ещё слышал вёсла. Последним долетел кашель.

Он поднялся к дому.

Вернувшись, Ратимир прикрыл заслонкой жар, взял хлеб, сосуд с водой и заступ. До могилы отца он хотел дойти утром.

На воротах засов лёг в пазы до конца.

За последними дворами начиналась пожня. Срезанные стебли кололи голени через мокрые порты[23]. Кое-где трава лежала полосами: дождь прибил к земле остатки сена, не подобранные после покоса. В колее чернела вода. Ратимир пошёл по краю, где было твёрже, и узнал место, на котором отец прежде ставил косу, проверяя лезвие большим пальцем.

У опушки тропа поднималась. Здесь пахло прелым листом и грибами. Ночью берёзы сбросили много жёлтого; листья ещё сохраняли форму, лежали один поверх другого и под ногой разъезжались, открывая чёрную землю. Старая сопка показалась между стволами выше, чем он помнил. С одной стороны её подмыли талые воды, и на склоне выступали камни.

Мать водила его сюда весной. У основания насыпи лежали её родные, которых он знал только по рассказам. Она раскладывала еду на полотне, говорила имена и поправляла сына, когда тот путал, кто кому приходился братом. Маленькому Ратимиру казалось, что это нужно, чтобы умершие не рассердились. Позже он начал скучать и смотреть на лес, дожидаясь, когда можно будет уйти.

Теперь вспомнил, как мать замолкала после каждого имени.

Он обошёл сопку с той стороны, которую назвал Добран. За молодыми елями было несколько небольших насыпей. Одни почти сравнялись с землёй. Другая, возле кривой берёзы, ещё держала голые бока: трава успела взяться только у подножия. По краю лежали камни. Один просел, оставив в земле узкую щель.

Ни имени, ни какой-нибудь отцовской вещи над холмиком не было.

Ратимир присел. Земля была плотной, слежавшейся за лето. В камнях он узнал серую полосу речного голыша: такие находились у изгиба ниже домов. Игорь таскал их от воды сюда, на подъём. Восемнадцатилетний парень, которого Ратимир всё ещё представлял мальчишкой с тонкой шеей.

Он поправил просевший камень. Пальцы сразу испачкались. Рядом рос молодой побег ольхи; Ратимир взялся за него у самой земли и вытащил вместе с длинным мокрым корнем.

Затем положил заступ на траву и сел.

Сказать оказалось нечего.

Он много раз представлял, как будет объяснять отцу свой уход из дружины. Сначала — с дороги, ещё не сняв плаща. Потом решил дождаться, пока поедят. Боривой наверняка спросил бы о серебре, о людях, с которыми сын ходил за море, о том, что тот намерен делать теперь. Кое-на что можно было бы ответить сразу. С остальным пришлось бы помолчать.

Даже когда торговец принёс весть о смерти, эти разговоры не кончились. Ратимир продолжал находить для них слова, откладывал трудное на потом. На судне ему казалось, что дома они сами займут нужные места.

Здесь не было никого, кто мог бы спросить.

Он развернул хлеб, разломил и положил небольшой кусок на лоскут, расправленный поверх плоского камня. Воды отлил на землю рядом. Так делала мать, когда приходила к своим; отец с нею не спорил, хотя сам оставлял умершим меньше еды и дольше стоял молча.

Ратимир подумал о Волосе. Мать говорила с ним о скотине и достатке, а однажды, вернувшись отсюда, велела сыну не шуметь: мёртвым тоже нужен покой. Тогда он не спросил, как это связано. Слова остались рядом, и сейчас разделить их он не мог. Как обратиться к богу за отца, который сам знал, что и когда говорить, Ратимир тоже не знал.

— Я пришёл, — сказал он.

Голос был низким и чужим среди деревьев.

Ветер шевельнул верхние ветви берёзы. С них посыпались капли. Одна попала на хлеб; тёмное пятно медленно разошлось по мякишу.

---

[23] Порты — старинное название штанов.

Ратимир смотрел на него, пока не почувствовал, что сжал зубы до боли.

— Игоря нет дома.

Это прозвучало так, будто он жаловался. Он провёл ладонью по лицу.

— Пойду за ним.

Больше он ничего не обещал. За последние годы обещания слишком часто давались перед людьми, которым потом уже нельзя было ответить. Он посидел ещё, расправил завёрнутый край полотна под хлебом и поднялся.

Уходя, он оглянулся. Среди деревьев опять виднелись только камни и небольшая полоса голой земли.

К Жданову двору Ратимир вышел со стороны пожни. Между плетнём и хлевом было тесно. Заступ пришлось повернуть боком, чтобы не зацепить торчавшие прутья. Под стеной темнели следы прежней работы: кучка мелкой щепы, продавленная опора под лодку, обломок клина, наполовину ушедший в грязь.

Ратимир положил узелок на сухой выступ стены и обошёл хлев.

За ним земля уходила вниз. Там росли ольхи, тонкие у края и толще возле воды, скрытой под корнями. Одна стояла сухая: кора облезла длинной светлой полосой, нижние ветви обломились. Возле неё лежали доски.

Издали они ничем не отличались от прочего старого дерева. Ждан складывал негодный тёс[24] за постройками, чтобы потом выбрать, что пустить на растопку, что ещё можно починить. Но эти доски лежали не у стены. И под ними не росла трава.

Ратимир остановился выше по склону.

Листья закрывали края вскопанного места. Вода промыла борозды между комьями земли; вывернутые стебли побурели и легли поперёк.

Он обошёл яму, не ступая вплотную к краю. Возле сухой ольхи была сорвана кора. Ниже на корне застрял пучок серой шерсти.

Сначала Ратимир снял ветки.

Под одной оказался ком мокрых листьев. Когда он потянул его, запах поднялся сразу. Ратимир отвернул голову, выждал, затем взялся за край доски. Она была тяжёлой от воды. Нижний конец ушёл в землю, и пришлось поддеть его заступом.

В темноте под досками лежал человек.

Ратимир поставил заступ у дерева. Во рту собралась слюна; он сглотнул. Ещё ничего не разглядел, а уже искал в узкой полосе открывшейся ткани то, что мог помнить на брате.

Убрал вторую доску. Третья сломалась у него в руках.

Человек лежал на боку, лицом к земле. Плаща на нём не было. Рубаха задралась у пояса, спина была забросана глиной; на запястьях за ней темнела верёвка. Ратимир наклонился ниже и увидел левую кисть.

Двух последних пальцев не было. Старые обрубки давно зажили. Большой палец отстоял в сторону, как будто ладонь всё ещё удерживала широкий край доски.

Не Игорь.

Первым он почувствовал облегчение и ничего не мог с собой поделать. Ратимир упёрся рукой в мокрое дерево и простоял так, пережидая дрожь в ногах.

Потом посмотрел ещё раз.

Ждан.

Когда Ратимир был мал, ему нравилось смотреть, как сосед держит деревянный клин этой рукой. Однажды он спросил, куда делись пальцы. Ждан показал на топор и велел не лезть под руку человеку, который работает. С тех пор Ратимир обходил его слева, подальше от железа. Привычка осталась и после того, как он сам стал выше соседа.

---

[24] Тёс — тонкие доски; здесь — изготовленные раскалыванием и обтёсыванием брёвен.

Он присел у ямы. Сдвинул с плеча налипшую землю, осторожно приподнял ткань у ворота. Под левым ухом виднелась рана. Край рубахи рядом с нею был рассечён.

Ратимир опустил ткань обратно.

Верёвку завязали за спиной крепко, одним узлом стянув оба запястья. Он знал такой способ. Человека можно вести, держа за короткий конец; если тот начинает выворачиваться, достаточно потянуть вверх.

Ему не понадобилось вспоминать, где он этому научился.

Он выпрямился и отошёл к хлеву. Прижал ладони к холодной стене. В щели между брёвнами лежала сухая труха, и часть её осыпалась на пальцы.

За стеной были пустая кормушка и ободранный столб, о который тёрлась скотина. Здесь Ждан каждый день открывал дверь, выносил навоз, ругался на собаку. Отсюда мог дойти до пристани, прежде чем остыла бы каша. Его унесли за собственный хлев, и больше никому не понадобилось выходить к нему.

Ратимир повернул голову к своему двору. Сквозь промежуток между крышами виднелся край кровли, которую они вчера чинили с Лейфом.

Добран уже был на судне. Рассказать некому.

Он вернулся к яме и заставил себя осмотреть её ещё раз. Рядом не было второго тела. Под досками лежали только комья глины, сломанная ветка и край вырванного дёрна. Землю навалили торопливо; сверху бросили дерево, заслонив яму со стороны двора. Весной на этом месте собиралась вода. Тот, кто выбрал его, едва ли собирался приходить сюда с помином.

Ждана убили. Люди ушли после этого или до — Ратимир пока не знал. Не знал и того, сколько соседей видело, что с ним сделали. Вчерашние пустые дома вдруг стали теснее: в каждом можно было представить человека, который слышал крик за стеной и не вышел.

В одном из таких домов мог быть Игорь.

Ратимир взялся за нож. Пальцы соскользнули с мокрой рукояти, и он вытер ладонь о рубаху. Затем разрезал верёвку на запястьях.

Руки освобождались плохо. Он не стал тянуть сильнее. Обошёл с другой стороны, поправил плечо, как смог уложил кисти перед грудью. Верёвку поднял. Узел сохранился; короткий отрезанный конец разлохматился у самого витка. Ратимир завернул её в несколько больших листьев и отнёс отдельно к стене.

Он принялся возвращать землю в яму.

Выброшенная на край земля слежалась. Ратимир поддевал её понемногу, но мокрые пласты распадались уже над телом. Он остановился: так он только завалит Ждану лицо грязью. Вынул уже брошенное, дошёл до навеса и выбрал из оставшегося дерева две широкие целые доски. На одной сохранились отверстия, проделанные Жданом. Когда-то он готовил её для лодки.

Под хлевной кровлей нашёлся свёрнутый кусок грубого полотна. По краям его объели мыши, но середина была целой. Ратимир расправил ткань, выбил сухую труху. Принёс к яме и накрыл тело. Затем подложил поперёк два обломка толстой жерди и уложил на них доски, чтобы земля не провалилась сразу.

Он понимал, что это ещё не те похороны, какие устроили бы Ждану его родные. Обычного погребального костра одному до вечера не сложить, а оставлять тело открытым было нельзя. Придут люди — решат, как проститься. Ему надо было сохранить место и суметь показать его.

Когда выброшенная земля кончилась, пришлось снимать дёрн у края низины. Работа отняла много времени.

Когда плечо перестало слушаться, Ратимир сменил руку. Поддевал землю понемногу, выворачивал пласты вместе с корнями. У края ямы собралась вода; он прорыл ниже канавку, и она начала уходить между кочками.

Подняв голову, он увидел дым далеко над водой. Светлая полоска распадалась на фоне неба и опять собиралась. Может быть, Эйрик остановился у другого берега. Может быть, топили печь в доме, до которого отсюда было полдня пути. Ратимир долго смотрел, пока не заболела шея.

Потом взялся за заступ.

Над ямой появилась низкая насыпь. Ратимир принёс камни из-под хлева, укрепил ими край со стороны воды и сел у стены. Кисть всё ещё сжималась, будто черенок оставался в руке.

Ратимир достал хлеб. Отломил кусок, но не смог проглотить. Долго жевал, глядя на новую насыпь.

Ждану он обещал прислать хорошее железо.

Ратимир доел хлеб. Поднялся и принёс ещё один камень, плоский, с обломанным белым краем. Поставил у сухой ольхи так, чтобы было видно от угла хлева.

— Ждан, — сказал он.

Имени отца он не произнёс даже там, на сопке. Здесь повторил ещё раз, тише.

Ратимир не знал, кому молился сосед, когда никто его не видел. Помнил, что для погребальных костров тот приносил сухие дрова, даже если с умершим при жизни не ладил. Боги, которых называла мать, сейчас казались далёкими. Никакого уверенного слова о дороге мёртвых у него не нашлось.

Он положил остаток хлеба на камень.

У стены подобрал завёрнутую в листья верёвку и пошёл к воде.

У берега он долго тёр пальцы песком. Глина забилась под ногти и в складку возле старого шрама. Кожа покраснела раньше, чем удалось смыть её всю.

Отсюда опять были видны вмятины под навесом, где прежде держали Жданову лодку.

Ратимир достал из поясного мешочка половину бирки. Дерево подсохло, и насечки стали светлее. Одна длинная, несколько коротких, косо поставленных. Вчера он мог принять её за старый мусор, случайно застрявший у опоры.

Он посмотрел на двор.

Бирку он завернул в сухой лоскут. В другой конец убрал верёвку, оставив промежуток между ними.

Дома Ратимир сменил рубаху. Пальцы плохо гнулись; пришлось несколько раз начинать заново, прежде чем завязался пояс.

В печи ещё оставался жар. Он подогрел воду, поел и сел возле стола. Не заметил, как опустил голову на руки.

Проснулся, когда свет из двери уже лёг длинной полосой на пол.

Сперва он посмотрел на пустую лавку Добрана. Потом вспомнил лодку и развернул дорожный мешок.

Крупа, рыба, сухое полотно. Игла, нитки и ремешки. Ратимир проверил кремень и огниво, сменил отсыревший трут.

Нож для Игоря лежал на полке. Ратимир вытер лезвие ещё раз, вложил в ножны и убрал поглубже в мешок. Поясной нож проверил отдельно. На своём мече подтянул ремень, который за день вытянулся от сырости.

Потом подошёл к отцовскому свёртку.

Ткань высохла возле печи. Ратимир развернул её и провёл пальцем по серому камню. Красная прожилка темнела у самого края. В двух других местах навершия оставались глухие тёмные вставки.

Под ладонью было холодное железо. Он подождал, сам не зная чего, затем попробовал сдвинуть клинок в ножнах. Тот поддался совсем немного. На полосе у основания сохранилась ржавчина.

Ратимир завернул меч плотнее. Приладил свёрток к мешку, пропустив ремень так, чтобы вес приходился ниже больного плеча. Клинок понадобится показать тому, кто узнает знак; пока рубить им было нельзя. Хватало оружия, которым он уже умел владеть.

За дверью серело. Ратимир вышел на крыльцо и посмотрел в сторону леса. К Старому Перевозу он пойдёт с рассветом.

Заступ вернул в сарай, очистив оковку и подтянув ремень на треснувшем черенке.

В доме он оставил на столе отцовскую чашку. В неё налил свежей воды. Вторую убрал на полку, отверстием вниз, как делала мать перед дальней дорогой.

На этот раз лёг на спальный помост, прямо в одежде. Мешок поставил возле головы. Через открытую щель под кровлей больше не капало; ветер шевелил край бересты, и оттуда доносился тихий сухой шорох.

Засыпая, Ратимир видел белый край камня за хлевом. К нему он теперь мог привести других людей. До Старого Перевоза предстояло идти самому.

Глава 2. Лесной зов

Тропа кончилась у поваленной ели.

Ратимир остановился, перевёл мешок на другое плечо. Здесь раньше можно было пройти прямо: за низиной начинался подъём, а дальше дорога держалась высокого берега. Теперь ель легла поперёк вместе с вывернутыми корнями. Между ними стояла вода, на которой плавала рыжая хвоя.

Он попробовал обойти дерево слева. Земля под ногой подалась, и Ратимир успел ухватиться за сухую ветку, прежде чем сапог ушёл глубже. Ветка обломилась. Он выбрался на твёрдое, постоял, глядя на тёмный след в воде, затем повернул к подъёму.

Земля выше была твёрже. Он выбрался между камнями, придерживая мешок, чтобы ремень не сползал к шее.

За спиной остался дом. Ратимир вышел из него до солнца, убрал ножом зазубрину на дверной скобе и прикрыл створку, приподняв за нижний край. У ворот задержался лишь для того, чтобы проверить ремни. Потом прошёл мимо Жданова хлева и, не спускаясь к насыпи, свернул на речную тропу.

Теперь в сапоге чавкала вода.

Он снял его на сухом бугре, выжал край онучи, развернул ткань другой стороной. Из мешка пришлось вынуть отцовский свёрток: ремень сдвинулся и давил на шею. Ратимир уложил меч вдоль спины, проложил под ним сложенную шерсть. Собственный меч остался на поясе. От тяжести двух клинков быстрее уставали ноги; ни один пока нельзя было бросить.

Когда он поднялся, между деревьями уже стоял свет. На вершинах берёз горели редкие жёлтые листья. Внизу всё ещё было серо. Вода с корней стекала в невидимый ручей, и по звуку казалось, что ручей совсем рядом, хотя до него пришлось идти долго.

Ратимир держался склона. Прежняя тропа то появлялась под ногами, то терялась в молодой поросли. На одном повороте он узнал сосну с двойной вершиной. В детстве на нижнем суку висел отцовский мешок, пока они вытаскивали из воды старую вершу. Теперь вместо сука на стволе чернел старый излом.

Дальше лес стал ниже. Между елями легли полосы мха, блестевшего от воды. Ратимир срезал длинную жердь и начал проверять землю перед собой. Сухая на вид кочка выдерживала ногу; рядом под таким же мхом скрывалась мягкая жижа. Он пошёл медленнее. За низкими стволами открывалась мшара[25], и туман над нею ещё не рассеялся.

Над водой тяжело хлопнуло. Ратимир повернул голову: от корней разошлись круги. Бобр высунулся на мгновение, увидел человека и ушёл под воду, ударив хвостом ещё раз.

Людей пока не было. Но дальше, на твёрдом краю низины, нашёлся старый срезанный прут. Он лежал поперёк воды, другим концом упираясь в корень. Кора с верхней стороны стёрлась. Ратимир не стал на него вставать: проверил жердью и пошёл вдоль. За следующей кочкой показалась гать[26] — несколько тонких брёвен, утопленных в грязи. Между ними уже проросла трава, однако по середине ещё проходили.

Ратимир выбрался по брёвнам к реке.

Белый камень оказался почти весь скрыт под землёй. Торчал только округлый бок, на котором задержалось несколько берёзовых листьев. Здесь река сужалась. Противоположный берег был круче; под ним вода темнела и закручивалась возле корней. Старые колья наклонились. Между двумя стоял новый, светлый там, где топором сняли кору.

Ратимир спустился к нему.

---

[25] Мшара — моховое болото или заболоченное место.

[26] Гать — настил из брёвен, жердей или хвороста, уложенный для прохода через сырое или болотистое место.

Под слоем мокрых листьев нашлись щепки. Выше лежало бревно, подложенное под тяжесть; на верхнем боку древесина была стёрта до гладкого. От него к воде тянулась полоса примятой земли. Ратимир прошёл вдоль неё, раздвигая носком траву. У самой кромки застряла кожаная петля с оборванным концом.

Здесь таскали лодки или груз. Сколько их было, определить не получалось. Вода подошла выше прежней кромки и размыла нижнюю часть следа.

На площадке над берегом оставалось большое кострище. Золу прибило дождями. Среди углей белели обломки костей, в стороне лежала расколотая глиняная миска. Ратимир присел, приподнял один черепок. Край давно впитал воду. Внутри сохранился жирный тёмный след.

Он положил его обратно.

Место подходило для стоянки: сверху не заливало водой, к реке можно было сойти с поклажей, за изгибом берег закрывал лодки от ветра. При желании отсюда было видно всякого, кто подходил по сухой тропе. Саму стоянку с тропы замечали позднее.

Ратимир поднялся и посмотрел на деревья.

Кто-то мог следить за ним уже некоторое время.

Он медленно повернулся, оставляя руки на виду.

— Есть кто?

За спиной шумела река. В кустах напротив мелькнула тень. Ратимир перенёс тяжесть на правую ногу, освободив левую от края мокрой ямки.

На тропу вышла женщина.

Она несла берестяной кузов[27], подвешенный за спиной на широком ремне. Из него торчала рукоять небольшого весла. В руке был шест. Женщина остановилась там, откуда могла уйти назад, не приближаясь к нему. На шерстяной одежде у плеча темнела круглая застёжка. Прядь волос выбилась из-под повязки и прилипла к щеке.

Она посмотрела на кострище, потом на Ратимира.

— Чего ищешь?

Слова были понятные, но выговаривала она их иначе, чем говорили у него дома. Ратимир ответил не сразу. После долгого утра один человеческий голос оказался неожиданно близким.

— Людей с Ольхового Мыса. Здесь останавливались?

Женщина не двинулась.

— Кто прислал?

— Никто. Сам пришёл.

— По чьему слову?

Ратимир вспомнил Добрана.

— Знакомый сказал, что тут принимали людей. У белого камня.

— Имя знакомого?

Он помедлил. Старик боялся, что за ним придут. Назвать его каждому встречному было бы слишком легко.

— Сначала твоё.

Женщина чуть крепче перехватила шест.

Ратимир понял, как это прозвучало. Он стоял у чужой стоянки с мечом на поясе, за спиной нёс ещё один длинный свёрток и требовал имени у человека, который шёл по своей тропе.

— Ратимир, — сказал он. — Боривоёв сын. Мой дом ниже по реке. Я вернулся, а там никого.

Она провела большим пальцем по гладкому месту на шесте.

— Боривой умер.

---

[27] Кузов — здесь заплечная берестяная корзина для переноски вещей и припасов.

— Знаю.

— Ты к нему не пришёл.

— Не успел.

Женщина посмотрела ему в глаза. Ратимир выдержал взгляд, хотя ему захотелось отвернуться к реке.

— Илва, — сказала она наконец.

Он кивнул.

— Игорь, его младший сын. Видела его здесь?

— Здесь много чужих ходило.

— Из наших кто-нибудь?

Он достал половину бирки.

— Возле Ждановой лодки нашёл.

На этот раз она подошла ближе. Посмотрела на дерево, не протягивая рук.

— Это у тебя было?

— Под опорой лежало. Лодки нет.

— Ждан где?

Ратимир закрыл пальцами бирку.

— За его хлевом. Я нашёл вчера.

Несколько мгновений Илва стояла неподвижно. Потом опустила кузов на землю. Ремень упал ей на локоть; она не сразу высвободила руку.

— Сам видел?

— Похоронил, как смог. Там, возле сухой ольхи. Камень с белым краем поставил.

Илва отвела глаза к воде.

— Он лодку нам правил. Весной. За плату ждать согласился.

Она провела ладонью по лбу, отводя мокрые волосы под повязку.

— Кто сделал?

— Не знаю. Руки за спиной были связаны. У шеи рана.

Илва резко взглянула на него.

— Увели — и всё было тихо, — произнесла она. — Так говорили.

— Кто говорил?

Она подняла кузов. Ратимир шагнул, собираясь помочь с ремнём, но женщина сама накинула его на плечо.

— Тут не стой, — сказала она.

— Куда идти?

Илва кивнула на узкую тропу, которую он сперва принял за звериный проход.

— Со мной. Только из-за слов у нас за меч не берутся.

Он убрал бирку.

— Не возьмусь.

Она пошла первой. Ратимир поднял оставленную жердь и двинулся следом.

Тропа быстро отвернула от реки. Илва шла между стволами, почти не задевая веток; кузов иногда скрипел у неё за спиной. Ратимир дважды останавливался, поправляя свой мешок. Она не оборачивалась, но всякий раз замедляла шаг, когда он отставал.

У ручья женщина свернула на узкое бревно. На другом берегу стоял небольшой камень, весь в мокром мху. Илва сняла кузов, вынула из него рыбу и отрезала ножом кусочек у головы. Положила на камень. Несколько слов произнесла негромко, повернувшись к воде.

Ратимир остановился перед бревном.

— Для кого?

Она спрятала нож.

— Кто рыбу даёт.

— Всегда оставляешь?

— Когда здесь беру. Мать велела.

Он посмотрел на лежавшую рыбу. На камне, под старым потемневшим хвостом, уже работали муравьи. Илва заметила его взгляд.

— Им тоже найдётся.

Сказала без улыбки. Подняла кузов, подождала, пока он перейдёт.

Ратимир не знал, надо ли ему тоже что-нибудь оставить. При нём отец благодарил воду словами, иногда касался её рукой, но к чужому камню никогда не подходил. Ратимир последовал за Илвой. До следующего поворота старался ступать тише.

Потом из-за елей потянуло дымом.

Показался сруб с низкой кровлей, за ним другой. Третий, поменьше, стоял на толстых подкладках, поднятый над сырой землёй. Между постройками сушились сети. Под навесом были развешаны полосы рыбы; дым из неглубокой ямы стлался вдоль них и уходил в лес. Рядом стояли жерди с узкими кольцами бересты, приготовленной для снастей.

Из-за дома донёсся быстрый разговор. Потом ребёнок засмеялся — громко, с неожиданным всхлипом на конце. Ратимир остановился так резко, что Илва оглянулась.

Он покачал головой и пошёл дальше.

Возле сети сидел старик. Одна нога была вытянута на деревянную подставку, другую он держал под лавкой. Между пальцами ходила плоская сетная игла[28]. Он провёл её через петлю, затянул нить и лишь тогда поднял голову.

Илва заговорила с ним на своём языке.

На торгу в Ладоге Ратимир слышал похожую речь; там говоривших на ней называли чудью[29]. Различал он только знакомые имена да несколько слов, которым научился у отца. Сейчас дважды прозвучало имя Ждана. Старик отложил иглу и долго смотрел на гостя.

Затем спросил по-нашему:

— Его сын?

— Боривоя, — ответил Ратимир.

— Вижу. Ждана ты нашёл?

Ратимир кивнул. Повторил, где лежало тело и что он сделал с могилой. Старик не перебивал. Когда рассказ кончился, провёл пальцами по колену больной ноги.

— Сойко, — сказала Илва, указывая на него. — С материного рода.

— Он мне три доски остался должен, — произнёс старик.

Ратимир не ответил.

Сойко подобрал с земли обрезок нити. Намотал на ладонь, размотал и бросил в корзину рядом с лавкой.

— Когда ногу раздавило, Ждан меня на своей лодке привёз. Выругался, что кровь на дне оставил. Домой сам уже не грёб.

Он замолчал.

Из-за угла показался мальчик. В руках нёс берестяной поплавок и короткую палку. Увидев Ратимира, спрятал палку за спину, хотя поплавок так и остался у него перед грудью.

— Лем, — окликнула Илва. — В доме скажи: гость пришёл.

Мальчик не сразу сдвинулся с места. Смотрел на меч. Потом обернулся и крикнул что-то в дом.

---

[28] Сетная игла, или челнок, — плоское приспособление с намотанной нитью для плетения и починки рыболовных сетей.

[29] Чудь — собирательное древнерусское название ряда финноязычных групп. Оно не означало единой общины с одинаковыми обычаями.

Из двери вышла пожилая женщина в тёмной шерстяной одежде. На груди у неё висело небольшое кольцо с подвесками; когда она наклонилась, они тихо ударились друг о друга. Женщина выслушала Илву, посмотрела на Ратимира и указала на деревянную полку возле входа.

— Меч здесь, — перевела Илва. — Нож оставь при себе. Мешок под лавку.

Он снял ремень с плеча и поставил свой меч к стене. Отцовский свёрток остался привязан к мешку. Хозяйка заметила его, но вопросов не задала. Отступила, освобождая порог.

В доме пахло дымом, горячей рыбой и сухой травой. Свет входил через дверь; дальше, под кровлей, было темно. Возле очага стоял толстостенный горшок с неровным венчиком. На лавке лежало сложенное полотно, у стены были прислонены несколько вёсел. Здесь жило много людей, и каждому приходилось оставлять место другому: хозяйка, проходя мимо, поднимала свисавшую снасть, а мальчик сразу отодвинул свой поплавок с края стола.

Ратимир сел так, чтобы видеть дверь.

Илва принесла миску. Он хотел достать хлеб из мешка, но хозяйка положила перед ним свой. Что-то сказала дочери. Та покачала головой и ответила коротко.

— За еду не надо, — объяснила Илва. — Сегодня. Ты весть принёс.

Ратимир взял миску обеими руками. Рыбный отвар был горячим, на поверхности плавали редкие крупинки жира. Внутри лежали кусочки репы. Он ел медленно, вынимая косточки на край. Хозяйка следила, чтобы мальчик не тянулся через чужую миску, и заодно пододвинула Ратимиру соль.

Сойко остался у двери, где ещё можно было работать со снастью.

— Кто тебя с Перевоза погнал? — спросил он.

— Никто.

— Тогда что ушёл?

— Илва привела.

— Хорошо, что ушёл. Там теперь спросят, кто разрешил на берег садиться.

— Чей он?

Старик усмехнулся.

— Прежде нашим был. Сам через него, поди, ходил. С отцом.

Ратимир покачал головой.

— Место помню. Людей — нет.

— Люди и лодку держали, и брёвна после половодья поправляли. Потом пришли другие. Говорят: теперь за груз отвечаем мы, вам только место указать. Плату сперва дали. Потом стали вычитать за дерево, за верёвку, за то, что сами приезжали смотреть.

Сойко потянул сеть на себя. Узел зацепился за скамью; он освободил его резким движением.

— Двор у берега им тоже понадобился, — добавила Илва. — Мы сюда ушли. Здесь прежде летом жили. До снега надо щели закрыть.

Ратимир оглядел сруб. В одном углу между брёвнами просвечивало. Снаружи к стене была приставлена новая доска, ещё не прибитая.

— Вы знаете тех, кто пришёл?

— Видели, — ответила Илва.

— Могли наших принять?

— Могли.

Ратимир поставил миску.

— Мне надо с ними говорить.

— Тебе с ними говорить, — повторила она. — А нам здесь остаться.

В доме стало тихо. Слышно было, как хозяйка соскребает ножом приставший к горшку край еды.

— Я тебя не назову, — сказал Ратимир.

— Они спросят, кто показал дорогу. Ты скажешь: сам нашёл. Потом придут к нам и спросят, не видел ли кто чужого с мечом. Что мне отвечать?

Ратимир посмотрел на дом, на маленький поплавок, оставленный у стены. Илва ждала ответа.

— Не знаю, — сказал он.

Илва отвернулась к горшку.

Хозяйка коснулась её локтя, спросила что-то. Ответ прозвучал длиннее прежнего. Ратимир узнал имя Боривоя и слово, похожее на «клятву». Женщины замолчали, когда он поднял голову.

— Вы отца знали?

— Приходил, — сказала Илва. — Не часто. Мать помнит лучше.

— Он из тех же? — спросил Сойко.

Ратимир вынул щепку, на которой вырезал для Добрана знак с двери. Положил на стол.

— Это их?

Старик наклонился. Илва не подошла; смотрела со своего места.

— Сам сделал? — спросила она.

— С нашей двери повторил. Мне сказали, означает дом, который даёт защиту.

— Много домов обещают защиту, — произнёс Сойко. — Потом хозяин умирает, другой приходит. За первого уже никто не отвечает.

Ратимир повернул щепку светлым краем к двери.

— Мой отец отвечал?

Сойко взял её двумя пальцами и вернул ему.

— У него самого спросить надо было.

Илва резко сказала что-то на своём языке. Старик посмотрел в сторону. Ратимир убрал щепку, чувствуя, как поднимается горячая тяжесть в груди. Отец лежал за пожней. Он не мог ни спросить его, ни заставить сидевших здесь людей говорить о нём иначе.

Он взял миску и доел остывшее.

После еды Илва вышла к сушильному навесу. Ратимир поднялся за ней. Свой меч оставил у двери.

— Внизу гать чинить надо? — спросил он.

Она оглянулась.

— Ты по ней пришёл?

— Часть брёвен сгнила. К ночи кто-нибудь ногу оставит.

— По нижней не ходим. Там корни подмыло. Есть другая.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Значит, ту, по которой я шёл, тоже обходить?

— Смотря где. Покажешь — скажу.

Ратимир кивнул на незакрытую щель в срубе.

— Тогда здесь помогу. До темноты.

Илва какое-то время молчала. Потом показала, где лежит мох для стен.

Работать пришлось снаружи. Он выбрал из старого паза почерневшую труху, подсушенный мох протолкнул внутрь деревянной лопаточкой. У верхнего бревна рука начала дрожать. Ратимир опустил её, постоял, прижав локоть к боку. Илва заметила и принесла низкую подставку, чтобы не тянуться так высоко.

Она не спросила, где его ранили. Ратимир был благодарен.

Под вечер Лем принёс короткие обрезки прутьев. Сел неподалёку и стал снимать с них кору. Одну длинную стружку придерживал пальцем, стараясь не порвать. Потом спросил что-то у Илвы и показал на Ратимира.

— Он спрашивает, зачем у тебя два меча.

Мальчик поднял глаза.

— Один отцовский, — ответил Ратимир.

Илва перевела.

Лем сказал ещё несколько слов.

— А у отца зачем взял?

Ратимир перестал набивать мох.

— Чтобы не остался в пустом доме.

На этот раз Илва перевела не сразу. Мальчик слушал, перебирая стружку. Потом молча подвинул Ратимиру самый ровный прутик и убежал к навесу.

К вечеру щель перестала пропускать свет. Ратимир собрал оставшийся мох. В доме больше не тянуло вдоль пола.

Илва вернулась от ручья с ведром. Прежде чем войти, задержалась возле него.

— Мой дядя на Перевозе остался, — сказала она. — Материн брат. Уговорились: покажет мелкие протоки, получит плату и вернётся. Лодку его потом видели. Его самого — нет.

Ратимир выпрямился.

— Давно?

— До тех дождей, что шли долго. Оттуда сказали, ещё работать будет. Сам согласился.

Она сняла с ведра прилипший лист.

— Так что я тоже хочу говорить с теми людьми. Только сперва узнать, где дядя. И как сделать, чтобы после разговора он вернулся.

Ратимир посмотрел на стену. Под навесом ещё тлел огонь, дым проходил сквозь развешанную рыбу и выходил ему навстречу.

— Понял, — сказал он.

Илва подняла ведро и вошла в дом.

На ночлег ему указали место у стены. Лавка была короткой, но сухой. Ратимир отнёс туда мешок. Отцовский свёрток он уложил ближе к стене, чтобы никто не зацепил ногой; собственный меч оставил на прежней полке у входа. От лавки до двери было несколько шагов.

Снаружи ещё сохранялся свет. Младшая сестра Илвы вышла из-за навеса с длинной рыбиной на руках, окликнула Лема и показала вниз по тропе. Мальчик оставил стружку на скамье и побежал к воде.

— За кузовом послала, — сказала Илва, заметив взгляд Ратимира. — Нижний берег близко. Оттуда тропа к нашим дверям.

Она сняла с жерди кусок подсушенной рыбы. Разломила, проверяя середину. Сойко, вошедший следом, попросил оставить ему хвост.

Ратимир сел, вытянув ноги. В сапоге, который промок утром, снова стало сыро. Он снял обувь и развернул онучи. На пятке начало саднить. Хозяйка молча подала полоску чистого полотна. Он поблагодарил; она поняла по движению головы и ответила тем же.

В доме ели, негромко разговаривая. Сойко отвечал реже остальных. Возле огня он положил на колено небольшой деревянный кружок и прочищал ножом отверстие. Ждал, пока подсохнет мокрая снасть, которую принёс с собой.

Первый зов донёсся, когда в двери ещё можно было различить дальние деревья.

Протяжный звук поднялся над лесом, сорвался и вернулся ниже. Ратимир перестал жевать. Повернул голову, прислушиваясь. Сойко тоже поднял глаза, затем снова занялся кружком.

Хозяйка сказала несколько слов. Илва ответила и посмотрела на гостя.

— Мать просит: ночью от воды не отзывайся.

— Кому?

— Если услышишь, что зовут. Не знаешь голоса — молчи.

Ратимир положил рыбу на край миски.

— Люди ходят?

— Ходят, — сказал Сойко. — Кто лодку не вытянет, кто своей бабы за кустом не найдёт. На воде далеко слышно.

Хозяйка заговорила громче. Старик повернулся к ней, выслушал, поджал губы. Илва дождалась конца разговора.

— Здесь помнят одного утонувшего, — сказала она Ратимиру. — Весной вынесло. Давно. Ни лодки, ни вещи с меткой при нём не было. По окрестным дворам спрашивали, никто не признал.

— Где похоронили?

— На сухом, выше проток. Материна мать носила туда еду. Говорила: дома его ждут, а мы даже в помине имени не скажем.

Хозяйка смотрела на дочь. Ратимир понял, что хозяйка ждёт, переведёт ли Илва остальное.

— Потом стали слышать, как ночью зовут, — продолжила Илва. — Кто отзовётся, тому кажется: знает голос. Пойдёт за ним, а на рассвете дороги не найдёт. Мать говорит, он в воде своё имя потерял. Вот и ищет того, кто его назовёт.

Ратимир посмотрел на дверь. Зов не повторялся.

— А ты?

— Я там родилась. Знаю, как от одной протоки голос к другой переходит. Только ночью вода остаётся водой. Если идти, куда слышишь, можно до утра из одного места не выйти.

Она отодвинула миску.

— Дядя тоже всё это знал.

Ратимир опустил глаза. Он вспомнил лежавшего за хлевом Ждана и то короткое облегчение, которое испытал, увидев чужую руку. Если бы не узнал её, остался бы под камнем просто человек. Кто-то искал бы его в другом месте, получал вести, говорил: ещё жив.

Хозяйка спросила что-то. Илва ответила одним словом, и та встала.

Снаружи послышался голос молодой женщины. Она позвала мальчика. Подождала, позвала ещё раз, уже иначе, с нажимом на конце.

Сойко отложил кружок.

Илва вышла первой. Ратимир взял обувь. Пока затягивал ремни, во дворе задвигались люди: кто-то прошёл к навесу, другая дверь стукнула о стену. Речь стала быстрой. В ней он различал только одно имя.

Когда Ратимир вышел, Илва стояла на тропе с сестрой. Та держала пустой кузов. Край был в свежей грязи.

— У воды лежал, — сказала Илва. — Лема нет. У навеса тоже смотрели.

Ратимир посмотрел мимо неё. По краю двора темнели старые следы, перепутанные с новыми. На влажном стебле возле тропы белела длинная стружка.

— Кто видел, как он шёл?

Илва повторила вопрос своим. Ответила сестра; показала за маленький сруб.

— К нижнему берегу. Сойко видел.

Старик уже стоял, держась за дверной столб. Пытался просунуть больную ногу в обувь.

— Там дорога одна, — сказал он. — До воды. Но выше кочки обходить надо. Если свернул…

Он не закончил.

Из леса опять донёсся зов. Долгий звук, потом два коротких. Ратимир повернул голову. Ему показалось, что теперь кричали левее, хотя ветер почти стих.

Илва повернулась к нему вполоборота.

— Если моим голосом позовёт, сперва погляди, я ли это.

— А Лема?

— Его зови. Сама буду звать.

Она сняла с пояса сухой берестяной лоскут и заткнула за ворот. Мать заметила, прижала ладонь ко рту. Ратимир не спросил, что значил этот жест: Илва уже смотрела на землю, где должен был пройти мальчик.

Мать мальчика шагнула к тропе. Илва удержала её за рукав, быстро сказала несколько слов. Та начала отвечать, но не вырвалась.

Ратимир вернулся в дом за ножом и поясом.

Он затянул ремень, взял с полки свой меч. Мешок с отцовским клинком оставил под лавкой.

— Верёвка есть? — спросил, выходя.

Сойко показал на навес. Пока Ратимир снимал моток с крюка, Илва принесла длинный шест. На конце у него было железо остроги[30], закрытое свёрнутой берестой.

— Со мной пойдёшь, — сказала она. — К воде знаю, где спускаться. Дальше сперва смотреть надо.

Он кивнул.

Мать Илвы вынесла горящий смоляк[31]. Подержала, пока огонь не охватил верхний конец, и передала Ратимиру. Потом коснулась пальцами дочерней повязки, что-то прошептала. Илва замерла, выслушала и затянула узел на затылке туже.

У нижнего берега было темнее, чем возле домов. Огонь выхватывал отдельные корни; за ними всё пропадало. Ратимир остановил Илву перед последним поворотом, присел. На примятой земле остались небольшие отпечатки обуви. Один соскользнул у воды. Рядом тянулась полоса — кузов протащили боком, прежде чем бросить.

Он поднял огонь. Отпечатки уходили вправо, вдоль берега, и исчезали под нависшей елью.

— Он дальше пошёл, — сказал Ратимир. — Сюда.

Илва наклонилась рядом, показала шестом между стволами.

— Там старая гать. На неё не надо было.

Они пошли вдоль следа. Ратимир держал огонь впереди и чуть в стороне, стараясь не заслонять себе землю. Иногда останавливался, возвращался на полшага. Илва молчала. Лишь однажды коснулась его локтя, когда он собрался поставить ногу на тёмный край кочки.

За елью показались два бревна. Поперечина между ними съехала набок. На торчавшем корне висел маленький башмак.

Илва втянула воздух. Не окликнула.

Ратимир подцепил башмак, повернул к свету. Изнутри вытекла тёмная вода. За корнем, на полосе мокрой глины, темнел отпечаток босой ступни.

Он передал находку Илве и поднял огонь выше. За последним настилом начиналась чёрная вода.

Ратимир опустил огонь к воде.

Под поверхностью угадывался край затонувшего бревна. Дальше ничего не было видно. Он отступил на последний целый настил, проверил его пяткой и протянул руку за шестом Илвы.

Она не отдала.

— Здесь глубже, чем кажется. Старую канаву весной промыло.

— Мальчик куда мог свернуть?

Илва показала вдоль тёмного края воды.

— По корням. Там ель упала, за ней сухое. Если дошёл.

---

[30] Острога — рыболовное орудие в виде копья с несколькими зубцами.

[31] Смоляк — кусок смолистой древесины, который использовали для растопки или освещения.

Огонь зашипел: с ветки сорвалась капля. Ратимир поднял его выше. В стороне от гати между корнями темнел узкий проход. Возле одного ствола мох был содран, под ним блестела свежая глина.

— Посвети.

Он передал смоляк Илве, опустился на колено. Сначала проверил край земли ладонью, затем перенёс тяжесть. Корень под ним держался крепко, но дальше мокрая поверхность уходила вниз. Ратимир провёл пальцами по глине. Несколько узких борозд сходились у края, будто здесь пытались ухватиться.

Он посмотрел на воду.

Илва тихо позвала племянника.

Никто не ответил. Огонь трещал у Илвы над плечом. Издалека пришёл прежний долгий зов; на этот раз в конце будто выговорили её имя. Ратимир обернулся. Илва стояла рядом, сжав губы. Под его коленом шевельнулся дёрн.

Он вернулся на бревно.

— Не туда, — сказала Илва. — Отсюда туда только водой. Через лес обходить долго.

Ратимир снял с пояса меч, положил на настил. Подтянул верёвку, которую нёс через плечо. Ближайшая ель стояла на сухом выступе; её корни уходили под гать и держали старое дерево. Он закрепил у ствола конец, обвязался сам. Илва взяла свободную часть, проверила, не зацепится ли она за сучья.

— Если начнёт тянуть, держи. На край не лезь.

— Я тебя одна не вытащу.

— Потому за дерево.

Она посмотрела на узел, затем поставила ногу на середину настила. Ратимир снял плащ и отдал ей. Вода внизу казалась неподвижной, однако у самого корня медленно качалась травинка. Течение было и здесь.

Он двинулся вдоль берега, перенося тяжесть с одного корня на другой. Шест помогал находить опору под водой. В одном месте тот вошёл почти без сопротивления. Ратимир вытянул его, сдвинулся в сторону. Сверху мох выглядел одинаково, но под ним начинался зыбун[32].

В темноте скрипнуло дерево.

Ратимир застыл. Оглянулся. Илва стояла на месте; свет от её руки ложился ему за спину. Скрип пришёл из темноты впереди.

— Лем, — позвала она снова.

На этот раз между корнями кто-то коротко выдохнул.

Ратимир опустился ниже. Под нависшим стволом было совсем темно. Он протянул туда шест, коснулся чего-то мягкого. Послышался слабый вскрик.

— Здесь.

Илва шагнула к нему. Верёвка натянулась.

— Стой. Свет держи.

Она остановилась. Ратимир нащупал ногой широкую развилку корня, перенёс на неё колено и перегнулся через край. Между стволом и спутанной ивой виднелось лицо. Мальчик сидел почти в воде, одной рукой обхватив тонкий корень. Другую прижимал к груди. Губы шевелились; слов Ратимир не разобрал.

Он протянул руку.

Лем отшатнулся. Корень скрипнул ещё раз.

— Илва, скажи ему. Меня пусть держит.

[32] Зыбун — болотистое место с зыбким покровом, который колеблется и проседает под тяжестью.

Она заговорила быстро, потом медленнее. Мальчик перестал отодвигаться, но корень не выпустил. Ратимир видел, как пальцы впились в мокрую кору. На них не было ни грязи, ни крови — только бледные пятна там, где кожа натянулась на костяшках.

Так держались за дверной косяк в горевшем дворе. Ратимир сам отрывал тогда чужие пальцы от дерева.

— Пусть свободной рукой. За корень пока держится.

Илва повторила.

Лем медленно разжал правую кисть. Ратимир успел поймать его выше запястья. Под мокрой тканью была тонкая холодная рука. Он осторожно потянул к себе. Мальчик вскрикнул, зацепившись одеждой за сучок.

Верёвка упёрлась Ратимиру в бок. Плечо обожгло. Он ослабил хват, снова нашёл опору ногой, удерживая ребёнка второй рукой. Развернуться не получалось. Пришлось достать нож и вслепую разрезать натянувшийся край рубахи.

Ткань поддалась. Лем качнулся вперёд, и Ратимир прижал его к себе. Вода перелилась через голенище. На миг колено соскользнуло с корня; верёвка натянулась, остановив его у самого края.

Илва что-то крикнула.

— Держу.

Слово вышло сдавленным. Ратимир подтянул ноги под себя и медленно пополз назад. Лем цеплялся за ворот его рубахи. Дышал часто, прямо в шею. Это дыхание помогало не торопиться: пока мальчик держится и дышит, можно переставить руку, найти корень, попробовать ещё раз.

На настиле Илва перехватила ребёнка. Села, положив его поперёк коленей, сразу укрыла плащом. Ратимир выбрался следом, некоторое время лежал, не развязывая верёвки. Вода стекала по доскам с его одежды.

Лем дрожал так сильно, что плащ шевелился у Илвы на руках. Она говорила с ним, наклонившись к самому лицу. Сняла оставшийся башмак. Оба положила рядом. Потом ощупала мальчику голову и рукав, на котором Ратимир оставил длинный разрез.

— Поранил?

— Ткань застряла. Его не задел.

Она кивнула.

В развилке сухого сучка догорал смоляк. Илва вынула из-за пояса несколько смолистых щепок, поднесла к уцелевшему пламени. Свет стал ровнее. Ратимир освободился от верёвки, поднял меч и снова пристегнул его. Пальцы не сразу попали в петлю.

За деревьями донёсся знакомый долгий зов.

На этот раз ему ответили. Два коротких звука, затем отчётливое мужское слово, оборвавшееся над водой. Где-то за тальником[33] шевельнулся огонь. Ратимир поднял голову.

Между стволами медленно прошёл низкий свет. Он исчез, появился дальше. Под ним на миг блеснула мокрая древесина. Кто-то сидел в лодке и прикрывал огонь рукой; другой человек стоял ближе к носу. С воды пришёл плеск весла. Ратимир разглядел только движение плеча, затем темнота закрыла людей.

До протоки можно было добраться по высокому краю. Отсюда она выводила к Перевозу. Если успеть окликнуть лодку, спросить, кто идёт…

Илва встала с мальчиком на руках и тут же опустилась обратно. Он цеплялся за неё; она не могла ни поднять огонь, ни удержать шест.

Ратимир посмотрел на узкую полосу света за деревьями.

— Давай мне Лема.

---

[33] Тальник — кустарниковая ива или её заросли.

Она сперва не поняла.

— Я понесу. Свети и дорогу показывай.

Илва подняла лицо. Кивнула, передала ребёнка, поправила на нём плащ. Ратимир осторожно привстал. Плечо сразу напомнило о себе, но мальчик весил меньше, чем казалось под корнями. Можно было нести его, опирая на здоровую руку и придерживая другой.

Огонь за тальником уже не показывался.

Они пошли обратно. Илва держала свет низко, останавливалась перед каждым ненадёжным местом. Ратимир ставил ноги туда, куда она показывала. Возле поворота в кустах захлопали крылья; птица резко вскрикнула почти у самого огня. Лем дёрнулся и спрятал лицо в вороте Ратимира.

Тот продолжал идти. Ему хотелось узнать, откуда кричали прежде, но сил на это сейчас не было.

У домов их встретили раньше, чем они успели выйти на двор. Мать Лема бросилась к сыну, охватила его руками вместе с плащом. Кто-то поднял ещё один огонь, кто-то распахнул дверь. Молодая женщина говорила, не переводя дыхания. Илва несколько раз ответила, прежде чем та услышала.

Лема уложили на сложенную шерсть, сняли мокрую одежду, укрыли сухим, закрыв голову и плечи. Мать села рядом. Всё время держала ладонь возле его лица, будто проверяла, что он ещё здесь. Когда мальчик начал отвечать на её вопросы, бабка принесла немного тёплого отвара. Мать подождала, пока он сам возьмётся за чашку.

Сойко положил руку ему на локоть.

— Сядь. Застыл совсем.

Ратимир попытался ответить и только тогда заметил, что зубы стучат.

Мешок оставался под лавкой. Он достал сухую одежду, переоделся за развешанным полотном. Снять рубаху удалось с трудом: плечо не хотело подниматься. Илва, проходившая мимо с мокрыми вещами, придержала ткань у ворота и помогла освободить руку.

Ничего не спросила.

Позднее перед ним поставили миску. Лем уже перестал дрожать и отвечал матери, временами поглядывая на дверь.

За стеной шуршала развешанная сеть. Из леса больше не доносилось ни слова.

Ратимир уснул сидя. Проснулся от того, что Илва убирала миску у его коленей. В доме было темно; возле очага ещё светилось красное. Лем лежал рядом с матерью, укрытый до подбородка. Его дыхание слышалось в промежутках между тихими женскими голосами.

— Что сказал? — спросил Ратимир.

— Дядю ждал. Подумал, на воде он кричит.

— Твой дядя?

— Кауко. Лем с ним прежде ходил. Знает, как он с лодки звал.

Ратимир осторожно разогнул затёкшую ногу.

— Там лодка была.

— Видела.

— Значит, люди.

Илва посмотрела в сторону матери. Та сидела возле внука, положив ладонь поверх шерсти.

— У матери тоже люди в воде пропадали. От того, что мы лодку видели, она за них меньше бояться не станет.

Илва присела возле лавки.

— Ты успел бы к ним на берег?

Он помолчал.

— Может быть.

Она посмотрела на спящего Лема, затем поднялась.

— Спи. До утра далеко.

На этот раз Ратимир лёг. Под больную руку пришлось подложить сложенную одежду. Он долго слушал дом: потрескивание дерева, кашель Сойко за перегородкой, шорох, с которым мать мальчика поправляла шерсть. Когда эти звуки начали отдаляться, он снова почувствовал под ладонью скользкий корень. Пальцы сжались сами.

Он разжал их и спрятал руку под плащ.

Утром Лем ещё спал. Его мать вышла к Ратимиру, пока тот проверял подсохшую обувь. Сказала несколько слов, взяла его ладонь обеими руками и сразу отпустила. Глаза у неё были опухшие. Илвы рядом не было, переводить оказалось некому.

Он только кивнул.

Бабка принесла мальчиковы башмаки. Поставила у очага, отвернув носами от жара. На правом, найденном у корня, осталась серая полоса засохшей грязи. Потом она вынула из мешочка немного крупы и пересыпала в другой, поменьше.

Илва заметила, куда смотрит Ратимир.

— Отнесёт к тому, чьего имени не знали. До холодов.

Он ничего не ответил. Ночью, под деревом, ему не приходило в голову спрашивать разрешения у утонувшего. Он боялся другого: что рука разожмётся раньше, чем ребёнок отпустит корень. В тот миг он попросил Перуна дать силы и сам не услышал, произнёс ли это вслух.

Хозяйка завязала маленький мешочек и убрала его на полку. Затем взяла мокрую сеть, принесённую с вечера, и вышла на двор.

Сойко ждал под навесом.

Он сидел на прежнем месте, но снасть лежала рядом нетронутая. Увидев Ратимира, старик указал на лавку напротив. Илва осталась возле дверного столба.

— Бирку покажи, — сказал Сойко.

Ратимир достал свёрток. Развернул сухой конец, выложил половину дощечки на ладонь. Другую часть ткани, с верёвкой из Ждановой могилы, оставил завёрнутой.

Сойко протянул руку, но прежде чем взять дерево, посмотрел ему в лицо.

— Оставишь мне на время?

— Посмотреть — бери.

Старик поднёс дощечку к свету, провёл ногтем вдоль коротких насечек. Затем отдал Илве. Та повернула дерево торцом к себе.

— Не наш счёт, — произнесла она.

— Твой дядя такие резал, — ответил Сойко. — Ему велели.

Илва резко подняла голову.

Старик не отвернулся.

— И я держал. Пока первые связки делали.

Ратимир ждал.

Сойко опустил руки на колени. На больной ноге ткань натянулась; он ослабил край и только после этого заговорил:

— Приезжие сказали, людей принимать будем. Везут в место, где о них договорились. Кто лодки подаст, кто поклажу пересчитает. За работу заплатят. Кауко воду знает, ему и вести.

— А потом?

— Потом мы здесь оказались. Он остался у них.

— Ты вчера этого не сказал.

— Вчера я тебя не знал.

Старик посмотрел на дом, где спал мальчик.

— И не хотел, чтобы ты с нашим словом пошёл к тем людям. Потом с меня спросили бы. У меня нога. С Лемом в болото не уйдёшь. А Кауко сам предложил: я останусь, с вами после сочтутся.

Илва молча протянула ему бирку. Сойко не взял.

— По моему совету остался, — добавил он. — Я думал, за знакомую работу хоть что-то получим.

Ратимир опустил глаза на дерево. Ему хотелось немедленно спросить о своих, но Илва стояла рядом, стиснув дощечку так, что побелел большой палец. Он подождал, пока она сама положит её перед стариком.

Сойко указал на небольшую постройку за навесом.

— Под нижним бревном камень. С плоской стороны отвороти.

Илва не сразу пошла. Потом обошла навес, присела у стены. Ратимир слышал, как скребёт дерево по камню. Вернулась она с коротким потемневшим свёртком.

Внутри оказались остатки нескольких бирок. Через отверстия проходил старый шнур. На двух дощечках ещё виднелась тёмная полоса от огня; одну повело от сырости. Илва положила их на лавку и раздвинула пальцами.

— При расчёте бросили, — сказал Сойко. — Сказали: больше не нужны. Кауко плату потом получит, всё пересчитают заново. Я подобрал. Оставил, чтобы было с чем требовать.

Илва провела пальцем по краю дощечки.

— Это до нашего берега, — пояснила она. — От вашей пристани. Здесь мешки приняли, отметку закрыли. Дальше другую резали.

Она показала небольшую помету возле отверстия. На принесённой Ратимиром половине её едва можно было различить.

— Такие нашим дали. Вместе с чужой платой.

— Почему спрятал?

— У нас и место отняли. Приди за долгом с голыми руками — скажут, никто тебе ничего не должен.

Он выбрал узкую дощечку, присмотрелся и отложил. Взял другую. Ратимир подвинул свою половину.

Края не сошлись.

Сойко повертел дерево, покачал головой. Илва развязала шнур и разложила остальные. Среди них нашлась короткая плашка с расколотым отверстием. Она поднесла её к той, что принёс Ратимир.

Один длинный зубец вошёл в выемку. Дальше края совпали вдоль светлой полосы древесины. Насечка, разрезанная изломом, продолжилась на другой половине.

Все трое некоторое время смотрели на дощечку.

Ратимир придерживал края пальцами. Дерево от его ладоней быстро согрелось. Оно было обычным, лёгким, с застрявшей у отверстия ниткой. Такую вещь Ждан мог уронить, перенося поклажу, и больше о ней не вспомнить.

— Две части одного счёта? — спросил он.

Сойко кивнул.

— Одну отдают, другую держат. После сходятся, смотрят, что принято. Прежде мы на своих считали. Потом другие дали.

— Что здесь считали?

— Поклажу. Не людей. Для тех, что через Перевоз шли.

Ратимир провёл ногтем по длинной насечке.

— Нашу?

— Ты у Ждановой лодки нашёл. Другая часть здесь осталась. Откуда ещё ей взяться?

— Кто за перевозку отвечал?

Сойко потёр пальцем нижний край дощечки.

— Гостята. В Ладоге живёт. От него люди приходили. Один раз сам был, велел готовить место.

Ратимир повторил имя.

— Гостята. Где искать?

— У нижних складов, возле воды. Двор с тесовым навесом над длинной стеной. Там с реки поклажу принимают. Спросишь, кто к нему возит, покажут.

— Он твоего дядю забрал? — Ратимир повернулся к Илве.

— От его людей сказали, что ещё нужен, — ответила она. — Самого Гостяту я не видела.

Сойко собрал ненужные дощечки. Те две, что сошлись, оставил на лавке.

— Обещали наших довезти без беды, — сказал он. — Про Ждана потом никто не говорил.

Ратимир завернул обе половинки вместе. Узел верёвки он оставил в другой части лоскута.

К полудню Илва повела его к старому берегу.

Сойко хотел идти с ними, но, дойдя до конца двора, остановился. Постоял, опираясь на шест, и вернулся к лавке. Из дома показалась мать Лема, сказала несколько слов. Мальчик проснулся, попросил есть. Ратимир почувствовал, как отпустило что-то под рёбрами, чего он с самой ночи почти не замечал.

Илва подождала его на тропе.

У Перевоза днём стало легче различать то, что накануне скрывали листья. Кострище лежало на прежнем месте. Илва обошла его, показала на узкую полосу между деревьями. Там начинался другой спуск.

— По нему первые лодки таскали. Потом вода поднялась, сюда перешли.

Ратимир присел на склоне. Ниже корни держали куски размытой земли. Старые вмятины уходили под принесённый водой мусор. Выше, почти у стволов, лежали новые подкладки; под одной оставался прижатый пучок травы.

Он медленно прошёл вдоль берега. Здесь были два места, откуда можно спустить груз, но работать одновременно на обоих было бы неудобно: тропы сходились в узком проходе. Когда здесь проложили верхнюю тропу, нижний след уже размыло.

— Разными днями уходили, — сказал он.

Илва кивнула.

— Мать видела до дождей. Сойко после. Ещё люди приходили между ними, но сколько — не знаем.

— Связанных здесь видели?

— Я не видела, — ответила Илва.

— Плату с них брали?

— Нашим за работу обещали. Что с людей взяли, не знаю.

У последнего столба Илва остановилась. Внизу, на тихой воде затона[34], лежала небольшая долблёнка[35]. Она была притянута к корню, изнутри прикрыта корой. Вчера с площадки её нельзя было увидеть.

— Наша, — сказала Илва. — Оставили, чтобы к сетям выходить. Забрать не успели: раньше большой воды сюда не пройти было.

Она спустилась, откинула кору и проверила дно. Ратимир придержал борт, пока женщина выбиралась обратно.

— В Ладогу с тобой пойду, — сказала она.

---

[34] Затон — тихая заводь, участок воды в стороне от основного течения реки.

[35] Долблёнка — лодка, выдолбленная из цельного древесного ствола.

— А здесь?

— Мать, сестра, Сойко. Ещё двое с сетей завтра вернутся. Лодку им оставлю. Нам до большого берега можно пешком дойти, там место искать на судне.

Ратимир оглянулся на старую тропу.

— Мне за Игорем надо. Может, дальше Ладоги.

— Мне за Кауко. Может, там останусь. Сперва до людей добраться.

— Идём, — сказал он.

Вечером она говорила с родными. Ратимир не вмешивался. Чинил ремень на мешке, проверял, не промок ли отцовский свёрток. Мать Илвы дважды подходила к дочери, что-то добавляла. Сойко слушал, не поднимая головы. Потом вытащил из связки одну уцелевшую бирку и положил перед нею.

Ратимир отвернулся, давая им договорить.

Лем выглянул из-за полотна. При виде Ратимира мальчик спрятался, потом выглянул снова. Правую ногу поставил осторожно, не перенося на неё всей тяжести. Ратимир придвинул мальчику скамью. Тот сел и протянул вчерашний поплавок.

— Что с ним?

Лем показал на оборванную петлю. Говорил тихо, терпеливо повторяя одно и то же незнакомое слово. Ратимир достал тонкий ремешок. Пока продевал его в отверстие, мальчик следил за руками. На этот раз про мечи не спросил.

На ночь Ратимир убрал дощечки и верёвку в поясной мешочек. Отцовский меч закрепил отдельно: его можно было снять, не развязывая весь мешок.

За стеной Илва перебирала свои вещи. Стукнуло о дерево весло, затем она отложила его обратно. С собой взяла то, что могла унести на плечах.

Ратимир ещё раз произнёс про себя имя Гостяты. У него наконец был человек, которому можно задать вопрос. Теперь требовалось дойти до его дверей.

Глава 3. Цена приюта

Утром Ратимир вернул Сойко длинную верёвку.

Сойко проверил, не перетёрлись ли волокна, и повесил моток на прежний кол. Короткая верёвка из Ждановой могилы оставалась у Ратимира.

Илва уже ждала за двором. Вместо весла у неё был дорожный шест. Мешок сидел высоко между лопатками; из-под завязки торчал край свёрнутой бересты. Мать вышла следом, поправила ремень у дочери на плече. Долго что-то говорила, не глядя на Ратимира.

Он отошёл к тропе.

В дверях показался Лем. Мальчик стоял босиком на пороге, придерживая рубаху у разрезанного рукава. Бабка тотчас загнала его обратно. Ратимир успел увидеть поднятую руку и маленький поплавок на новом ремешке.

Сойко доковылял до края навеса.

— Про Кауко спроси, — сказал он Илве.

Она кивнула.

— И за работу. Всё, что обещали.

Илва ответила уже на своём языке. Старик опустил глаза. Ратимир не понял слов, но Сойко больше не напоминал о плате.

За первой грядой деревьев свет из дома пропал. Несколько шагов они шли почти на ощупь. Потом тропа поднялась, между стволами открылась серая полоска неба. Внизу оставалась вода, и оттуда тянуло холодом. Ратимир переложил шест в другую руку. Плечо после ночного спасения болело даже без движения; ремень мешка он сдвинул ближе к шее, однако тот всё равно находил больное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.